

*Майк Лебедев*

*94, или Охота  
на спящего  
Единокрыла*

Майк Лебедев

**94, или Охота на  
спящего Единокрыла**

«Издательские решения»

**Лебедев М.**

94, или Охота на спящего Единокрыла / М. Лебедев —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859311-6

«Основной нашей нравственно-духовной доминантой на описываемый момент времени было то, что мы были студентами четвертого курса уже упомянутого научно-технического института, и у нас не было денег. Да, вот именно так, друзья. Возможно, несколько простовато и прямолинейно по форме — но зато, как говорится, строго и по существу. Теперь же я постараюсь, насколько возможно, кратко расшифровать это в полной мере программное заявление...»

ISBN 978-5-44-859311-6

© Лебедев М.  
© Издательские решения

## Содержание

Часть 1	6
До полной и безоговорочной победы	7
94—1	7
94—2	14
94—3	22
94—4	28
94—5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# 94, или Охота на спящего Единокрыла

**Майк Лебедев**

*Книга основана на нереальных событиях.*

*Всю эту историю автор выдумал от начала до конца.*

© Майк Лебедев, 2017

ISBN 978-5-4485-9311-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## **Часть 1**

## До полной и безоговорочной победы

### 94—1

Основная сложность в охоте на спящего одинокрыла заключается в том, что настоящий, аутентичный одинокрыл фактически никогда не спит. Во всяком случае, не «спит» в повседневных, привычных терминах, так как попытка определить само понятие «сон» через то, что, в некотором роде, само находится во «сне» – неизбежно приводит к глубокому внутреннему противоречию уровня «оксюморон».

Несмотря на эти очевидные факты, практически каждый охотник на него убежден, что знает, как выглядит оригинальный одинокрыл в спящем состоянии, и большинство из них непременно описывает это явление в самых ярких и красочных тонах. К сожалению, однако, все попытки свести эти разрозненные описания к какому-то разумному общему знаменателю рано или поздно оканчивались ничем, безнадежно расходясь даже в таких базовых характеристиках, как число лап, высота в холке и поперечный размах крыла.

Более того: даже охотники, доподлинно, чему имелись неоспоримые свидетельства, видевшие спящего одинокрыла наяву – неизменно затем терпели крах при попытке выразить испытанные ими чувства в общепринятых, раскрывающихся по стандартным координатам терминах и понятиях. Все они, даже самые бывалые и хладнокровные, неизменно начинали свой рассказ уверенно и четко – но всякий раз по мере продвижения повествования от общего к частному неизменно и постыдно скатывались к аргументации класса «как бы», «вроде», «типа» и, типа, «наподобие того».

Удивительно, но до сих пор не существует полной ясности даже в таком, казалось бы, элементарном вопросе, что же важнее: сам процесс охоты или все-таки добытый в ее итоге одинокрыл. Представители старой охотничьей системы, так называемый «олдскул», неизменно корят неофитов за приверженность одному лишь осязаемому результату охоты, всякий раз упирая на то, что сами в свое время якобы вступили на эту извилистую и скользкую тропу исключительно из одних лишь самых возвышенных и чистых побуждений. Что параллельно не мешает им при каждом удобном случае отпускать разного рода ехидства и колкости в адрес тех, кто не сумел покуда добыть хотя бы своего первого одинокрыльего пера.

В общих чертах охота на спящего одинокрыла напоминает движение по мнимой оси с инвертированным временем, если вы, конечно, понимаете, о чем я толкую. Позднейшие же исследователи все чаще сходятся во мнении, что истинная эта охота совершается не по ту, а по сю сторону сознания. Впрочем, какая при этом сторона та, а какая – «ся», и допустимо ли в данном случае вообще корректно толковать о «сознании» – вопрос до некоторой степени более чем открытый.

Всё дело в том, что...

...Стоял февраль. Причем стоял практически в прямом смысле слова – стоял и никуда не двигался. Становящийся привычным февраль эпохи глобального потепления – стылый, гнусный, с ветром, мокрым снегом, температурой в районе «перехода через ноль» и смерзшимся в равных пропорциях с грязью льдом под ногами. У дурной погоды есть такое тягучее свойство – выйдешь, бывало, с утра в самый дождь, да и помыслишь с тоскою в голосе: «Вот зарядило-то... и когда же кончится... всё льет и льет...» А потом вдруг с некоторым даже удивлением сообразишь, что зарядило-то всего лишь накануне в обед.

Кроме того, в молодости время вообще идет гораздо медленнее. То есть, интегрально сама эта «молодость» проходит быстро, но это уже глазами, так сказать, снаружи. А вот изнутри

иной раз и за неделю наворотишь столько, что и за год потом – остается лишь недоуменно разводить руками. А поскольку герои этой истории были, безусловно, молоды – вот им и почудилось ненароком, что такой февраль будет стоять теперь вечно. Вот отчего начало этого в целом весьма оптимистичного повествования они встретили в несколько минорном ключе. Впрочем, это, как вы вскоре убедитесь – был всего лишь эпизод.

И, по-моему – нам уже пора с ними познакомиться!

Да, так оно всё и было! Нудным февральским вечером на южной рабочей окраине, на пятнадцатом этаже общежития старших курсов прославленного научно-технического института страны – сидело ДВОЕ. Оба молчали. Взгляды их, насколько можно было судить, были сквозь окно устремлены вдаль, на расстилающийся где-то там Город. В Городе, как уже было отмечено, занимался вечер. Суетливо перемещался по улицам пухший прямо как на дрожжах парк автомобилей класса «иномарка», вспыхивали один за одним яркие огни рекламных иллюминаций и подсветок, и куда-то, где, очевидно, и кипела Жизнь, спешили люди, и так далее. Двое, синхронно тяжело вздохнув, переглянулись и продолжили молчать. Звали их...

А впрочем – нет. Их никуда не звали. Ну или, во всяком случае, не звали именно в тот вечер, иначе вся эта каша, несомненно, заварилась бы совсем в иную сторону. А не звали их потому, что основной детерминантой их само- и мироощущения в те унылые дни было... а еще вернее сказать – как раз таки НЕ БЫЛО...

Чутьочку терпения – вы скоро все поймете. И кого, куда и как именно звали или не звали, что было, что не было, а чего и не будет, возможно, уже никогда, итак.

Первым из двоих был Сергей Курбский по прозвищу «Старина», юноша самой романтической внешности, но при этом с несгибаемым стержнем характера внутри. По причине того, что Сергей свято верит в астрологию и прочую принципиально непознаваемую мистику, спешу своим долгом сообщить, что в назначенный час Сергей явился в этот Лучший из Миров под знаком «стрельца». Знак сей, как известно оттуда же, подвержен управлению стихией Огня, и этот факт, бесспорно, всегда оказывал на Старину весьма мощное влияние. Даже будучи (в редкие мгновения) полностью неподвижен, он всё равно словно бы ни на секунду не оставался на одном месте, как бы подчиняясь некоей внутренней астральной кинематике. Это бороздили (и бороздят!) пространства его сознания всяко разные мысли, идеи и, я даже не побоюсь этого слова, «проекты». Вот и сейчас...

Вторым был я, скромный автор этих строк. По причине несохранения иных письменных свидетельств и источников тех лет, без зазрения совести напишу, что внешность моя тоже была вполне себе романтическая, разве что с твердым внутренним стержнем дело обстояло слегка пожиже. Ну, на то она моя стихия и другая. Третьим же в комнате незримо присутствовал Митрич, официальный сожитель Курбского по данной «двушке», пребывавший на текущий момент на зимних студенческих каникулах (да, а я, значит, как бы был у них в гостях). Необходимо заметить, что Митрич, будучи уроженцем знака Воды, очень удачно дополнял Курбского, так как зачастую гасил наиболее смелые и рьяные порывы Старины – а посему его отсутствие в тот судьбоносный вечер также сыграло свою роковую роль. Вот, пожалуй, и всё, что следует сообщить о главных героях в рамках литературно-художественной составляющей – и перейти к на тот момент гораздо более важной составляющей социо-культурной.

Основной нашей нравственно-духовной доминантой на описываемый момент было то, что мы были студентами четвертого курса уже упомянутого научно-технического института, и у нас не было денег. Да, вот именно так, друзья. Возможно, несколько простовато и прямолинейно по форме – но зато, как говорится, строго и по существу. Теперь же я постараюсь, насколько возможно, кратко расшифровать это в полной мере программное заявление...

...То был, как ни странно, февраль достославного 1994 года. Страна, гордо именуемая «Россия», успешно пережив два путча и ряд других основопотрясающих событий, уверенно и стремительно вкатывалась в фазу развития, которую спустя энное количество лет несколько пугливо поименуют как «дикий капитализм». Да – и жизнь действительно была дикой, причем в самом хорошем смысле этого слова! Великий и могучий русский язык практически ежедневно пополнялся новыми, доселе несслыханными на отечественной почве терминами. Приватизация, либерализация, инфляция и деноминация, биржа, ваучер, акция, монетаризм, совместное предприятие, коммерческая структура, СКВ, МММ – и это, как говорится, лишь малая толика! Некогда серая, среднестатистическая масса ныне «дарагих расиян», из которой ранее особняком можно было выделить разве что «творческую и научную интеллигенцию» – вдруг распустилась самыми яркими красками: отныне практически в каждом дворе можно было встретить брокера, дилера, трейдера, коммерческого директора, банкира и зампреда – и это если говорить только и исключительно лишь о сравнительно легальных формах трудоустройства и занятости! Нет, то время воистину было – прекрасных и неограниченных возможностей (включая, конечно, и самые печальные возможности, о чем тоже не стоит забывать).

Впрочем, до некоторых пор указанные события проходили к нашим героям больше, что называется, «по касательной». Нет, безусловно – всё вышеописанное они наблюдали лично и в непосредственной близости от себя, однако в силу ряда веских причин не могли принять в них личного участия. Обучение в их легендарном научно-техническом заведении, на какую-то хрупкую стезю они ступили три с половиной курса назад, предполагало полную занятость естественно-научными дисциплинами и, как следствие, практическое отсутствие времени на то, чтобы яркими метеорами ворваться в новую экономическую политику. Вдобавок, само расположение заведения в ближайшем Подмосковье позволяло до поры до времени удерживать его питомцев на сравнительно безопасном расстоянии от мирских соблазнов.

Пора и время пробили на третьем курсе. Хотя и несколько поспешно, но все-таки причисляя себя уже к гордому сословию «старшекурсников», мы перешли к самостоятельному планированию учебного времени и, как следствие – времени свободного (ну, стали бессовестно «халявить» в плане учебы, откровенно говоря – прим. авт.) Кроме того, третий курс предполагал уже регулярный выезд на «базу» – то есть, в институт уже высоко-научный, на «преддипломные», так сказать, обучение и практику. Мы стали гораздо чаще бывать в Столице, отчего суровые и прекрасные реалии всё громче и настойчивее застучали в наши головы и сердца. В конце концов, одно дело кропотливо сидеть над учебниками в окружении себе подобных гениев; а через день окунаться в неуловимо меняющийся мир – уже совсем другое...

Параллельно и неуклонно шел процесс сокращения денежного вспомоществования студентам со стороны государства, некогда гордо именуемого «стипендией». Так, скажем, положенные нам на первом курсе по прославленности нашего учебного заведения целых семьдесят рублей еще могли кое-как теоретически обеспечить бурсакам автономное плавание в океане жизненных страстей – пусть без излишеств и изысков, но все-таки. Но вот уже выданного в конце третьего сезона обучения жалованья аж за три летних месяца вперед – а хватило на одно только короткое зимнее пальтишко. Пусть и продвинутой марки Lonsdale – но ведь это всего лишь один элемент гардероба... (Шутка. На обычный китайский пуховик с быстро поблекшим бумажным горнолыжником на пузе). Вслед за чем сократилось и до окончательного «о-малого», то есть величины, которой с точки зрения формальной математики можно в данных краевых и граничных условиях пространства и времени с чистой совестью пренебречь.

А еще более параллельно и неуклонно (и с гораздо большей горечью) подступало к горлу осознание того скорбного факта, что пройдет еще каких-то два с половиной года – и тогда-то уж точно мы, молодые выпускники со своими инновационными, нанотехнологичными специальностями в дипломах – никому-то в этом бренном мире будем не нужны. Во всяком слу-

чае, именно как носители данного нам за время обучения Самого Сокровенного Знания. Собственно, наиболее прозорливые и дальновидные, вроде нашего одноклассника Армейца (о, мы еще не раз упомянем его здесь добрым словом!), четко поняли это (и сделали для себя соответствующие выводы) еще курсе на втором. На третьем эта славная когорта значительно пополнилась из числа условного «среднего класса» обучающихся. А к четвертому последняя пелена спала с глаз и наиболее романтично настроенных питомцев. Самое время: когда тебе перевалило за двадцать, и даже уже практически за двадцать один – тут уж задумаешься поневоле. В общем...

В общем, к началу весеннего семестра описываемого года в голове каждого более-менее мыслящего из нас в разных вариациях неумолимо стучал один и тот же мотив:

Надо!

Надо! Надо искать!

Надо, надо, надо!!! Искать, искать, искать!!!

Надо искать! Надо искать!!! Надо ИСКАТЬ!!!

НАДО ИСКАТЬ РАБОТУ!!!

Собственно, решительно нельзя сказать, что к тому моменту в делах извлечения налогооблагаемой прибыли мы были совсем уж зелеными новичками. Даже автор, не самый, сознаюсь, трудолюбивый и старательный работник в обитаемой Вселенной – и тот успел испытать себя на таких разнообразных и познавательных поприщах, как то:

(учитываются, естественно, только более-менее регулярные финансовые потоки уровня cash flow, так как разовым акциям уже тогда несть было числа)

– работа в качестве «преподавателя» Заочной научно-технической школы при нашем прославленном учебном заведении. Занятие сколь возвышенное в духовном плане (в конце концов, я сам был среди ее воспитанников, и кому, как ни нам, практикующим студентам, готовить было подрастающую смену) – столь же и скудное в плане материальном. Платили там в прямом смысле слова копейки, и даже в то благословенное время, когда вся страна уже в хлебом и бакалее оперировала тысячами – разбор погонного километра каракулей будущих Капиц и Ландау по-прежнему номинировался с точностью до сотых частей рубля...

– семь летних недель службы в чине грузчика на обойном складе под началом мастера Каравайцева. Даже сейчас сложно в полной мере оценить весь тот объем профессиональных навыков, общежитийской мудрости, народного юмора и прочего полезного экспириенса, который я в столь сжатые сроки сумел перенять от этого ярчайшего, без сомнения, представителя вида «человек РАЗУМНЫЙ» (включая собственноручно заполненный им в мой адрес поддельный «сертификат стропальщика второй категории сложности без права высотных работ», с течением времени, к большой горести, утраченный). Вот разве что с материальной стороны дело там обстояло опять-таки неважно. Бытовал тогда в сообществе нанимателей рабочей силы кокетливый термин «задержка» (в применении к заработной плате, само собой. Ныне термин вновь, кстати, обретает актуальность – прим. авт.) Небольшая такая «задержечка». Дня три, как водится – не более... а далее всё придет в норму... В результате чего начисленное «по ведомости» в середине августа было выдано на руки аккуратно к ноябрьским. Что характерно, за этот небольшой, в общем, по космическим масштабам срок начисленного и выданного в золотом эквиваленте достало аккуратно на «отвальную» незабвенному Мастеру. Но, повторюсь, сетовать на сей факт с учетом масштаба Личности и рассматривать Познанное исключительно в привязке к «бивалютной корзине» – это попросту гневить Всевышнего...

– «шабашка» две весны подряд в составе самодеятельной бригады по «укреплению дверных коробок». Всё «укрепление» в данном случае заключалось в прибавлении этой самой хлипкой «коробки» стальными штырями к стене и, по замыслу авторов проекта, должно было слу-

жить гарантией полной безопасности жилища в будущем. К сожалению, на исходе второго сезона мы окончательно убедились в том, что количество неохваченных «укреплением» домохозяйств в столице устремилось к нулю. Вдобавок к этому, ударными темпами возростал слой населения, прошедший уже стадию первоначального накопления капитала и не удовлетворявшийся отныне нашей высокохудожественной кустарщиной: им подавай теперь было ВТОРУЮ дверь, да желательно чтобы СТАЛЬНУЮ... На рынок «укрепительных» услуг стали выдвигаться иные, более солидные «игроки». Продажная демократическая пресса запестрела заметками в том духе, что под сладкоголосой личиной «укрепителя» вполне могут скрываться как минимум банальные проходимцы, а в худшем случае – даже можно сказать, что и «наводчики». Таскаться с мешком штырей по бесконечным этажам стало не только не выгодно, но временами даже и небезопасно. С тяжелым вздохом пришлось возвращать обратно взятый в «лизинг» почти новенький «блэк-энд-деккер» с выходной мощностью промышленного отбойного молотка – и остался при нас опять-таки один лишь бесценный опыт непринужденно вступать в контакт с обескураженными согражданами и удерживать их драгоценное внимание в нужной плоскости от трех и более минут...

– и, наконец, крайней на тот момент «халтурой» была работа на «социологических опросах», посвященных грядущим выборам в самую первую Думу России. Опросы эти, хоть и проводились нами на контрапункте со всеми мыслимыми социологическими методиками – но зато результаты (пишу я с гордостью) дали в итоге самые что ни на есть релевантные. А что еще важнее – принесли нам пусть и небольшой, но стабильно еженедельный финансовый поток. Старина Курбский, с которым мы работали в паре (один загоняет жертву – а второй наповал бьет ее каким-нибудь каверзным вопросом), ознакомил меня с железобетонным признаком отличия настоящих долларов от фальшивых – и какое-то время мы каждую Божию пятницу сосредоточенно отирали «рельефные» воротнички на портретах усопших президентов Соединенных Штатов (подозреваю, что под демонический хохот за темным стеклом «обменника», так как подделывать именно что доллары да «пятерки» даже в самые скорбные дни было явно за гранью самоокупаемости – но не суть). Чёрт возьми – в те хлебные месяцы мы страстно желали, чтобы эта бурная предвыборная кампания продолжалась вечно – и даже готовы были, дабы отсрочить неминуемый день, вновь учинить какой-нибудь маленький победоносный путч! Но увы – всё проходит – и однажды прошло и это...

Да, было дело – что и говорить!

Также, пользуясь случаем, хотелось бы передать привет... ну, в смысле – доложить и о других формах оплачиваемого времяпрепровождения, в которых нам не довелось отметитья самолично – но весьма распространенных и популярных в описываемый период в нашей «альма-матери».

Одним из самых массовых видов досуга был «гермет», сиречь производственные работы по герметизации «швов» обветшавшего жилищного фонда города Москвы и ближайшего Подмосковья. О, «гермет»! Сколько великих людей, золотой краской вписавших свое имя на Скрижали, прошло через тебя... И сейчас, если посчастливится вам встретить в прекрасном строительном бизнесе далеко продвинувшегося выпускника нашего знаменитого научно-технического заведения – знайте наверняка: начинал он там же, с «гермета». Со свешивания с пятого этажа в веревочном «седле» под ободряющие заверения однокашников – «Да ладно, не трепещи – нормально тебя закрепили... да НОРМАЛЬНО, я тебе говорю!..» И с диких черт-ячых плясок на крышах вокруг котлов с расплавленным битумом... Да – этим людям можно доверять!

(Собственно, любому студенту, желающему скоро и необременительно разбогатеть – прямая дорога была в «гермет». Другое дело, что служба там неслась вахтовым методом и полным рабочим днем, что шло иной раз в полный разрез с каким-никаким, но все же учебным расписа-

нием. Четвертый же курс у нас был ознаменован острыми приступами «войны». Более того, как раз в тот сезон хитроумные «полканы» перевели посещение военной кафедры на некую условную контрактно-добровольную систему. А посему отныне «закос» не являлся более делом студенческой доблести и чести, make love not war и всё такое прочее – а был наиболее удобным и коротким способом своею же собственной рукою выписать себе путевку в «сапоги» по окончании. На что тоже не каждый мог вот так запросто решиться... Да, а иначе всё было бы слишком просто – и не привело бы в итоге к написанию этого пронзительного текста – прим. авт.)

...А самым экстравагантной, даже в полном смысле слова – элитарной, деятельностью был занят наш сокурсник по прозвищу Корефаныч. С рядом своих приближенных друзей он состоял в так называемой «клаке» Большого Театра страны. Для людей, далеких от света Мельпомены, поясню: «клака», «клакеры» – это люди, на небескорыстной основе поддерживающие того или иного исполнителя. А в ряде случаев – и наоборот: кого-нибудь из исполнителей жестко НЕ поддерживающие, задавая тем самым тон и создавая общее настроение зала. Как оно это у него получилось – это бог его знает, откровенно говоря. Вот автор, к примеру, хоть и будучи урожденным москвичом, на тот момент посетил жемчужину русского искусства всего лишь единожды (да и на этот момент, чего уж там...), причем на балконе пятого яруса, откуда сцена не видна принципиально... Корефаныч же, ведший свое генеалогическое древо откуда-то из глухой мордовской деревушки, сумел разыскать в столице некую бесчисленноуродную богемную тетку, каковая тетка и составила ему протекцию в самое сердце партера. Из истории театра нам известно о противостоянии так называемых «козловисток» и «лемешисток», сиречь поклонниц таланта певцов Козлова и Лемешева соответственно; то есть в данном случае мы имеем дело с явлением, которое можно полноправно охарактеризовать как «околотеатр». Не помню уж, кого там именно суппортили наш Корефаныч и присные, прославленного ли тенора Николая Баскова или замечательную балерину Анастасию Волочкову. Но в любом случае я никому бы не советовал идти супротив широкого лица Корефаныча, добродушно улыбающегося из первого ряда! Другое дело, что и ежевечернее сидение в Большом пополняло в основном лишь духовный багаж сидящих, а отнюдь не материальный... как, впрочем, и в большинстве вышеприведенных примеров!..

Это была преамбула, друзья! Дальше будет сплошной «экшн», обещаю. Ну, или почти сплошной...

Зато теперь почти понятно, отчего в комнате сидели двое, и какие тягостные мысли синхронно обуревали их. И отчего был темен вечер, и отчего был стыл февраль, и отчего так горек был любимый их в ту пору «Сльнчев бряг». Сданная с переменным успехом уже седьмая по счету сессия полностью выхолостила их физические силы, а заслуженные тем каникулы – силы моральные, подведя заодно и жирную черту под накопленным кое-как на «соцпросах» финансовым жирком. С утра герои (уже хочется писать это слово с большой буквы, вот так: Герои) в тщетной попытке обрести душевное равновесие посетили выставку «Митьки в Москве», дабы проникнуться там идеалами бессребреничества и приобрести навыки жития на рубль в месяц. Но в конце посещения громом раздалось известие о том, что митьки бросили пить... а непьющий митёк – это звучало почти так же кощунственно, как и «богатый студент», так что полученного запала хватило ненадолго. И тогда, на исходе заключительного дня зимних каникул, Старина, разлив по стаканам остатки чудесного болгарского пойла, трижды рубанул рукою воздух и выпалил то бессмертное, что давно и неумолимо витало уже в атмосфере:

**НАДО!!!**

**ИСКАТЬ!!!**

**РАБОТУ!!!!!!**

(Забегая вперед. Забегая вперед скажу, что для смягчения наиболее драматичных эпизодов и отчасти уберегая этим читателя от глубоких нервных потрясений, мы будем давать небольшие временные «врезки», которые так и будут называться – «Забегая вперед». Пока же, забегая вперед, сообщу кратко: всё у этих ребят в дальнейшем будет хорошо).

## 94—2

Несмотря на все многочисленные уверения в обратном, не существует никаких четких внутренних или внешних признаков, позволяющих с уверенностью отличить настоящего охотника на единокрыла ото всех прочих. Признаков как «внешних», что теоретически могли бы позволить «прочим» авторизовать охотника в толпе. И признаков «внутренних», с помощью которых одинокий охотник мог бы отыскать себе подобных. То есть, случись два охотника рядом – скорее всего они так и разойдутся, не узнавшие друг другом. С другой стороны, вероятность указанного события так и так исчезающе стремится к нулю. Печалиться, впрочем, не стоит: методы охоты каждого настолько индивидуальны и глубоко личностны, что всякий обмен мнениями по титульному вопросу едва ли оказался бы для них взаимополезен...

Отчасти этот парадокс объясняется тем простым фактом, что процесс «рождения» охотника не обладает четко очерченными свойствами ни дискретности, ни наоборот – протяженности во времени либо пространстве. Он никогда не случается «здесь» либо «сейчас». Появлению охотника на единокрыла не предшествует никакая подготовительная «инициация», и оно никогда не является следствием мгновенного дельта-просветления. Жизнь не раскалывается надвое, на «до» и «после», и никто не теряет бывшего прошлого и не приобретает иного будущего. Подлинный, аутентичный охотник всегда уверенно ответит на вопрос «да или нет» – но едва ли скажет «когда», и уж тем более – «почему». Он твердо знает про себя лишь одно: то, что он охотник – и то, что когда-то им не был. И что когда-то однажды он понял вдруг, что он – это он, И давно им был, просто как-то не замечал, и это теперь – навсегда. И – навсегда уже поздно.

Именно так, если верить очевидцам, и воспаряет над тобою однажды спящий единокрыл, закрывая глазами полнеба...

...Последовавший за описанным вечером первый учебный день весеннего семестра по праву вошел в анналы как один из наиболее длинных дней в новейшей истории. Ежедневное трехчасовое шоу профессора Падингтовича, посвященное высоким процессам внутренней гидродинамики Океана, тянулось, казалось, половину вечности. Складывалось полное ощущение, что маститый ученый будто бы предчувствует, что кое-кого из своих питомцев он вскоре будет видеть значительно реже. И теперь, напоследок, стремится передать им всё то разумное и доброе, что накопило человечество о внутренних волнах, плюс еще немножечко заглянуть, так сказать, за горизонты непознанного и дать короткий прогноз развития отрасли на ближайшие двадцать-тридцать лет. Известное нам из механики жидкостей и газов выражение «сплошная среда» на глазах обретало прямой, бытовой смысл.

Было отчего изводиться ужом одному из героев. Старина, приписанный к иной, более «земной» в некотором роде «базе», имел этот день законным выходным (культурно это именовалось «днем самостоятельной исследовательской работы»). И это прекрасное время он любезно пообещал потратить на то, чтобы ПОДУМАТЬ. И даже, возможно – что-то ПОИСКАТЬ. Прекрасно зная огненно-деятельную натуру старика, можно было не сомневаться: самое не позднее чем через час после его пробуждения что-нибудь уже будет придумано. А еще спустя час-полтора – вполне возможно, что и найдено. Само собой, мне и секунды не терпелось выяснить, что же именно – и какое место в новом блистательном «проекте» будет отведено второму со-пайщику процесса.

Наконец, исписав минимум восемь «досок» и с трудом отыскав где-то в левом нижнем углу свободное место, доктор всех мыслимых физических наук Падингтович поставил финальную точку. В глазах его в этот момент читалась легкая грусть, будто что-то из глубоко личного и наболевшего так и осталось им невысказанным – и мы пулей вылетели на улицу...

День, как и подобало, выдался прекрасен. Февральское солнце с самой нижней точки траектории вдруг выстрелило прямо в глаза холодным, густым светом. И тотчас будто бы оплавившийся снег засверкал ему в ответ миллионами ошестинившихся льдинок. Соскочив с троллейбуса от улицы Т-кина, автор весело скакал к общаге на улице Ч-ской... за последующие четыре месяца я еще тысячу раз проскачу этой ничем не приметной дорогой мимо неизвестного забора – причем в самых разнообразных настроениях, от чувства полного и единоличного обладания Миром до глубоко и немедленно суицидального и обратно... но всё это будет потом, и я этого еще не знаю... пока же я стремительно, не доверяя даже лифту, взлетаю на пятнадцатый этаж, распахиваю дверь и...

Курбский в свойственной и исключительно присущей ему манере неподвижно медитировал, сидя на столе и свесив ноги в полуоткрытую створку окна (пятнадцатый этаж, напомним) – но даже со спины было заметно происходившее в нем внутреннее движение.

– Ну?!!! – выпалил я, не в силах более терпеть.

– Есть, – Старина, не повернув головы, многозначительно поднял руку и повторил еще раз: Есть! После чего развернулся и, выдержав мхатовскую паузу, веско произнес:

– Это будет Продукт!

Потрясенный, я, откровенно говоря, так и сел. Солнце за окном, как это возможно лишь зимой, в ту же секунду стремительно скрылось, напомнив известный тезис, что тьма также распространяется со скоростью света. Продукт??? Определенно, за истекший период Старина, на мой взгляд, мог выработать что-нибудь более оригинальное...

О, Продукт!!!.. Пожалуй, на нём стоит остановиться поподробнее!

Продукт сей, без сомнения, был одним из ярчайших артефактов той ушедшей уже эпохи, и значками на лацкане, призывающими немедленно поподробнее узнать о его немислимо волшебных свойствах, пестрело на тот момент до половины трудоспособного электората столицы. Общеизвестно, что несмотря на все бушевавшие политические катаклизмы, связанные с ними стрессы и вызванные этим перебои с поставками продовольствия, вплоть до введения иной раз даже карточной системы на товары первой необходимости – проблема похудения оставалась (и остается) одной из самых животрепещущих для российских граждан (я намеренно не пишу здесь «гражданок», дабы избежать обвинений в сексизме, «харрасменте» и прочих элементах половой некорректности). Стоит лишь намекнуть среднестатистическому гражданину на теоретическую возможность быстро и без особых усилий сбросить лишние килограммы – как он моментально теряет самые последние капли и так невеликого здравого смысла и тотчас отдается намекающему в полную и безраздельную власть...

Но, конечно, Продукт так и остался бы лишь одним из бесконечной вереницы подобных ему чудодейственных средств – кабы не одна его изюминка (тут, безусловно, стоит воздать должное автору этой концепции). В отличие от всего прочего добра, он по-модному выражаясь «позиционировался» не просто как охудительное средство – а именно что как универсальный рецепт «общего оздоровления организма». Употребляющему Продукт на регулярной основе сулилась не только на раз-два постройневшая фигура (в конце концов, как утверждает народная мудрость, худая корова еще не газель) – но обещались также и «нормализация», «стабилизация», «позитивизация», «активизация» и вообще все мыслимые положительные «-ации» происходящих внутри организма жизненных процессов. О, это уже был совсем другой расклад! Поглощающий содержимое этих невзрачных на первый взгляд баночек, коробочек и пакетиков должен был неминуемо дотянуть до ста лет, да даже и не «дотянуть», а встретить их бодрым, подтянутым старикашкой с уверенным кровообращением, давлением космонавта, либидо двадцатилетнего прыщавого щенка и так далее.

(Забегая вперед. К сожалению, несколько лет назад автор Идеи и ее Верховный жрец, на чей молодцеватый портрет молились адепты этой новой религии во время своих тради-

ционных оздоровительных шабашей – неожиданно и по пожелавшим остаться неизвестными причинам задвинул кеды в угол, не взяв даже пенсионного рубежа, чем поверг в некоторое сомнение сознательную часть аудитории. Но этот факт на описываемый момент времени еще, естественно, не был известен – прим. авт.)

Второй же «особинкой» Продукта была система его распространения по конечным потребителям, гордо именуемая как «сетевой маркетинг». Продукт нельзя было просто пойти и купить в магазине либо иной какой точке розничной торговли, что было бы на первый (и второй, и все последующие) взгляд естественно. Вместо этого следовало непременно обратиться к одному из шастающих по улицам с упомянутым уже провокативным значком, каковой шастающий после этого трогательного акта единения родственных душ становился для тебя «дилером первого уровня». Схема этого « сетевого маркетинга », а главное – ее скорые и неминуемые последствия, были подробно расписаны еще знаменитым популяризатором науки Я. Перельманом в его книге «Занимательная арифметика», первое издание которой, прошу заметить, увидело свет еще аж в девятнадцатом веке. Конечно, несмотря на всю простоту и доходчивость её языка, книгой этой население в массе своей не зачитывалось – а зря: параллельно по той же самой схеме «фигуры, в основании которой лежит многоугольник» (перевод слова «пирамида» с сухого арифметического языка) лихие маркетологи раскручивали маховики еще куда более интересных «маркетингов»!!! (но не будем здесь об этом).

Надо сказать, что знакомы со всей этой историей мы были отнюдь не понаслышке, так как продвижением Продукта активно занимался наш ближайший одноклассник Армеец, достигший в этом ремесле значительных высот. Что на практике требовалось от распространителя «первой руки»? Яркий, доходчивый и внушающий рассказ о целебных свойствах Продукта на четком базисе глубокой, искренней веры в правоту своих слов. Этими качествами наш друг обладал в избытке, в чем мы не раз убеждались еще во времена достославной эпопеи «укрепления дверных коробок» (верить – это вообще весьма по армейской части). До сих пор как живой стоит перед ушами его искренний, проникновенный спич в адрес одной отчаявшейся уже покинуть «Клуб кому за сто» потенциальной клиентки – «...мало того, что еженедельный отвес достигает трех-четырёх килограммов, параллельно при стабилизации давления и на фоне нормализуя кроветворящей функции – одновременно синхронизирующего влияния на цикл, делая протекание (??? – прим. авт.) месячных безболезненным и практически незаметным!!!» «Ага, – как всегда метко подметил также присутствовавший при сем камлании Митрич, – настолько незаметным, что спохватываются некоторые иногда только на четвертом месяце!!!» Шутка. Да, устоять против этого армейского навала, стартового штурма и тактики быстрого гола – было решительно невозможно!!!

Собственно, мы и были одними из первых, с чьим участием наш практичный товарищ вознамерился было сколотить свою первичную ячейку, сам при этом вознесясь над нами ни много ни мало «супервайзером». С формальной точки зрения в качестве живой демонстрации эффективности Продукта наши поджарые, упругие тела истинных атлетов подходили идеально. Особенно по контрасту с самим горе-«супервайзером», у которого на волне первого коммерческого успеха тут же объявился суперактуальный и мегастатусный в те дни двубортный малиновый пиджак, а под этим пиджаком – трогательное румяное пузцо. Каковое пузцо хотя и наглядно свидетельствовало о неумолимом «общем оздоровлении», но явно не коррелировало с главным тезисом скорейшей потери массы тела.

Другое дело, что с морально-волевыми качествами у наших героев обстояло чуть хуже. Один из них издавна страдал повышенной мнительностью и вообще наивно полагал чувство сомнения имманентным подвигу «человека разумного» (а кроме того, в спортшколе по классу борьбы реально «гонял» вес и твердо знал, что для этого НЕ СУЩЕСТВУЕТ никаких иных путей, кроме ограничения себя, любимого, в еде в сочетании с повышенной физической

нагрузкой в теплой одежде). Что касается старины Курбского, то он также мог убедить кого и в чём угодно, что мы все имели не один и не два случая наблюдать. Однако убеждал Старица, как правило, лишь в вещах, не имеющих практического касательства к реальности. Сам он называл этот процесс «Созданием общего позитивного взгляда на мир», и этот взгляд действительно создавался. Причем настолько позитивный, что новообращенный обладатель его как-то сразу уносился куда-то в астральную высь, совершенно не имея уже понятия о земном и насущном, как, например, отблагодарить создателя скромной трудовой копеечкой...

Хотя главным было даже не это. И даже не то, что распространитель обязан был сам все-непременнейше употреблять Продукт в пищу – в конце концов, это серое, унылое говно якобы сугубо растительного происхождения можно было скормить санфаянсовому другу, а «супервайзеру» на голубом глазу отчитаться, что «всё окей, босс»... Главным было то, что «входной билет» на этот рынок стоил 150 (сто пятьдесят) долларов США, и наш возможный наниматель сразу и наотрез отказался «налить» нам в долг (а там, глядишь, пойдет, раскрутимся, с первой же зарплатки вернем... – униженно канючили мы). Якобы этот принцип – принимать в узкий круг посвященных только за наличные – культивировал сам Отец-Основатель, мотивируя это тем... впрочем, чем именно мотивируя – было уже неважно. Сто пятьдесят «грин» были суммой для нас однозначно запредельной. Достаточно сказать, что едва ли больше этого мы «подняли» интегрально за все «соцпросы», а ведь там было почти два месяца работы – о чем еще было говорить. В общем... в общем... в общем.

Удивительным было то, что нежданной жертвой всей этой вдохновенной армейско-продуктовой пурги пал как раз Митрич, который и до, и после данного инцидента всегда был для нас несравненным образцом в таких понятиях, как «сдержанность», «разумность» и «взвешенность принимаемых решений». До сих пор остается невыясненным, что же все-таки подвигло его однажды не только нацепить на себя постыдный значок, но и показаться в таком виде на люди. Независимые эксперты и наблюдатели сходятся во мнении, что виной всему послужил денежный транш, подогнанный ему родителями в самое неподходящее время и место, хотя четких экспериментальных доказательств этому факту по-прежнему не имеется. Как бы то ни было, после одного из регулярных сеансов связи с Армейцем поступил он именно так...

Стартовал Митрич мощно. В первое же утро новой жизни, в битком-набитом, трясущемся по улице Т-кина троллейбусе он повстречал простовато на первый взгляд одетого мужичка. Простовато этот одетый мужичок оказался владельцем целой сети спортзалов (тогда еще не было изобретено слово «фитнес», но слово «качалка» звучало уже как-то негламурно) где-то не то в Липецке, не то в Орле. Более того, в какие-то пять минут протиснувшись к Митричу через весь салон, мужичок сообщил, что прибыл в Москву исключительно и именно что за Продуктом, только не знает, к сожалению, где его купить. И что теперь он готов обеспечить Митрича заказом примерно на уровне от одного грузовика Продукта в месяц. Разумеется, это лишь на начальном этапе «раскрутки». А там уж как пойдет – то и помыслить страшно!!! Взволнованный рассказ Митрича об этой чудесной встрече занял примерно час учебного времени, причем наиболее внимательным и благодарным слушателем оказался сам профессор Падингтович! И старого морского волка можно было понять: во время научных экспедиций он трижды обогнул земной шар во всех возможных направлениях – но вот ТАКОГО в своей жизни так ни разу и не встретил!

К сожалению, на самом последнем этапе в операции по поставке грузовика Продукта то ли в Тамбов, то ли в Воронеж что-то не сложилось. Свежеиспеченный «супервайзер», решив, очевидно, что дело уже в шляпе, манкировал обязанностью ежедневно вставлять своим падованам подпитывающую энергетическую клизму строго в ручном режиме – и ограничился коротким телефонным внушением. Это была непростительная ошибка: стратегическая инициатива была упущена, исходный запал Митрича поиссяк, и более совладельцы сетей спортивных

залов в общественном транспорте попадаться ему перестали. С тех пор он не любил вспоминать эту историю – да и другим не советовал.

...И вот теперь, спустя почти полгода, Старина, такой доселе креативный и векторно устремленный исключительно вперед и вверх, вдруг умудрился извлечь из шкафа этот потрепанный и неприглядный скелет...

– Серег, – мягко сказал я, параллельно осторожно прикидывая в уме, не отшибло ли часом у моего любезного друга историческую память, – Ты же сам прекрасно всё знаешь. Во-первых – дело это исключительно не наше. Во-вторых – таких денег у нас с тобой все равно нет, даже вкладчину. А в-главных, даже если отринуть два этих непреложных и мучительных фактора – момент для «вписки» всё равно уже безнадежно упущен. Ну в сентябре еще, когда агитировал Армеец... ну даже в ноябре, возможно... но сейчас – ты посмотри вокруг себя неподвзятым оком! Ну каждый же – каждый второй наперед заданный лишенец уже щеголяет на улице с наглядной агитацией! Когда предложение уже в ощутимые разы цинично превалирует над спросом, когда...

– Ты ничего не понимаешь... – веско ответил Старина, по обыкновению выпустив в воздух кольцо какого-то очередного духовитого самосада, преданным коллекционером и ценителем которых он являлся. («Ты ничего не понимаешь» – и вообще было его излюбленным вступлением к дискуссии. И обижаться тут было решительно не на что – в девяноста девяти процентах случаев никто действительно ничего не понимал! – прим. авт.) Ты ничего не понимаешь. То, что предлагал Армеец – это полная херня... (тут, как ныне принято – «плюс один», это без вопросов – прим. ред.) А между тем... я тут познакомился с одним продвинутым человеком – у него совершенно уникальные технологии продаж!!!

О – вот это была уже Тема!!! И потому здесь тоже стоит сделать небольшое лирическое отступление...

Само словосочетание «технология продаж» уже прозвучало как откровение. Это сейчас, когда пресыщенное в угаре воинствующего консюмеризма общество... когда изможденный непрерывным «шоппингом» драгоценный потребитель уже и не знает, чего бы такого ему еще возжелать... вроде всё есть... прям чего-то хочется, но даже уже и сил нет понять, чего же именно... Вот сейчас – да, «технологии продаж». С тренингами, просчетами, целевыми аудиториями, социо-демографическим портретом и «пирамидой Маслоу»... как бы чего такого клиенту против воли все-таки втюхать-то! «Технология»... а тогда?

А тогда – мама моя!!! Да люди еще пару лет назад вообще не знали такого слова – «купить»!!! Слово «достать» – вот, вот это слово было, а «купить»... Да отрывали с руками всё, только подноси!!! Безо всяких усилий продавалось и покупалось всё, от утюга до авианосца, лишь бы было что продать и на что покупать – и высшим проявлением лоховства считалось приобретение галстука за «штуку», когда ровно такой же за углом стоил три!!! А тут ишь ему – «технологии»...

Но «продвинутые» люди недаром всегда составляли значительную часть ближайшего окружения старины Курбского. Правда, до того дня продвинуты они были исключительно в духовной сфере. То есть, ранее я ни капельки не удивился бы, услышав от него – «Я тут познакомился с одним продвинутым человеком – у него совершенно уникальная техника внутреннего дыхания»... или – «совершенно необычайная манера медитации и самосозерцания»... на худой конец – «эксклюзивный способ ухода в себя и навсегда». С некоторыми из «продвинутых» я даже был знаком лично, и многие из этих хитроумных ловцов человеческих душ, шестым чувством ощущая мятушееся самосознание, не раз пытались приобрести определенный вес и оказать известное влияние...

Нежданное же появление на горизонте продвинутого человека с «совершенно уникальной технологией продаж» явно свидетельствовало: Старик определенно ступил на какую принципиально иную, ранее недоступную ступень личностного развития и самосовершенствования (да, а мы как всегда, ничего не поняли). А в таких случаях к его словам всегда стоило прислушаться...

– Кстати, его зовут Марк, – счел необходимым сообщить Курбский в конце политинформации, что окончательно убедило меня во мнении. Ранее «продвинутые люди» откликались на более прозаичные имена, наподобие «Феодор», или, к примеру, «Пафнуйт».

– Ладно, – вздохнув, молвил второй герой, – Веди. Веди нас к этому новоявленному гуру бизнеса, и далее – вперед, к Богатству и Свету...

...Спустя определенный промежуток времени мы, обуреваемые сладостно-томящим предчувствием скорых перемен, уже плелись по верхнему течению проспекта Мира. Тяжелое зимнее небо удачно дополняло присущие данной местности образцы монументальной застройки, навевая столь же эпические, масштабные думы с переходом в бесконечность. Путь наш, правда, лежал всего лишь в скромную малолитражную «однушку», притаившуюся где-то на задворках «второй линии». Москва в этом плане – в полном смысле город контрастов: даже в самом затерянном и заброшенном месте всегда можно отыскать небольшой оазис процветания и благоденствия. И напротив, самый фешенебельный район вдруг обернется с изнанки чем-то таким, что захочется кратко охарактеризовать добрым словом «халупа». Очень, очень скоро, бороздя родной город, мы будем убеждаться в этом практически каждый день... но не в этот раз, впрочем. Наконец, вручив платяному шкафу наши потрепанные зипуны и, к большой неловкости, изрядно наследив в прихожей, мы проследовали в залу и скромно присели на кожаный диван перед низким журнальным столиком.

Продвинутый носитель уникальных технологий выглядел так, что хотелось тут же во весь голос воскликнуть: «А, Шарапов – таким мы тебя себе и представляли!!!», и только традиционное строгое предупреждение Курбского не встретить в процесс поперед него сумело остановить этот порыв. Мегатонный оптимизм человека, пять минут назад оказавшегося единственным внучатым племянником безвременно почившего в Америке холостого и бездетного дедушки-миллионера, удачно дополнялся каким-то прямо переливающимся на свету костюмом типа «двойка». Явно усиленные плечи и четко проработанная линия талии легко позволяли даже типичному «марку» выглядеть в нем однозначным атлантом. Стоимость нового такого клифта, как мы уже знали из лекций нашего друга Армейца, доходила иной раз до двух месячных доходов даже не «супервайзера», а «супервайзера над супервайзерами» – но при этом являлась абсолютно необходимой «инвестицией» и служила уже полным и бесповоротным пропуском в Лучший мир...

После короткой интродукции знакомства приступили к Делу. На столике ярко запестрела уже знакомая нам наглядная агитация. Широкими, сочными мазками Марк обрисовал уже известные нам все немислимые достоинства Продукта и, четко расставив акценты и приоритеты, обозначил его коренные отличия от прочих конкурирующих средств. Отдельной строкой вновь был поднят тезис о безболезненном и фактически незаметном протекании месячных – видимо, тема эта для всех «супервайзеров» была чем-то особенно небезразлична. От теории перешли к технической стороне. Здесь Марк, интимно понизив голос, поведал случай из собственной богатой уже практики. О том, как он, будучи еще зеленым салагой, буквально в первый же день работы в обычном троллейбусе повстречал директора какого-то оздоровительного центра, то ли из Пскова, то ли из Твери... нет, вы можете в это поверить?! Какое совпадение, а! И вот теперь он, Марк, каждый месяц отправляет ему, то ли в Курск, то ли в Тамбов, целый грузовик Продукта!!!...

(Забегая вперед. Несколько лет спустя, лениво перелистывая за утренним кофеем популярное деловое издание, автор случайно наткнулся (какое совпадение, а?!) на интервью с этим самым Марком. Вещал он по-прежнему крайне убедительно, из текста следовало, что к Продукту он более ни малейшего отношения не имеет, а приложенная к материалу фотография бесспорно свидетельствовала: у парня по-прежнему всё идет так, как надо).

Затем последовала еще целая серия столь же оригинальных и убедительных примеров, поданная все тем же поставленным голосом. Старина, как это и было свойственно ему в моменты приближающегося Просветления, заморожено глядел докладчику в рот, параллельно всё шире раскрывая свой собственный, автор с трудом сдерживал желание с утробным рёвом зевнуть, и тут...

О, дьявол – учитывая габариты квартиры, даже сложно предположить, где ОНА до того момента скрывалась! Ведь не дюймовочка же!..

И тем не менее, видимо, в тот самый момент, который организатор шоу справедливо положил пиковым – в комнату вплыла ОНА.

Без сомнения, вплывшая в комнату дева полностью соответствовала всем принятым в те дни стандартам если и не в полной мере красоты, то стандартам качества – безусловно. Осветленное «каре» гармонично венчало уверенные сто восемьдесят, даже без учета «шпилек», сантиметров роста. Обтягивающая юбка была ровно той длины, чтобы обеспечить достойный обзор значительной части упругого бедра – но в то же время не перейти еще в категорию «мини», мол, дескать, «я вам тут не какая-нибудь, понимаешь – а строгая, деловая женщина». Необходимость же катить впереди себя тележку с набором для традиционного файв-о-клока позволила богине непринужденно придать своему декольте наивыигрышный угол наклона.

Да, чёрт возьми, да!!! Конечно, предъявленную нам «технологию» никак нельзя было назвать стопроцентно «уникальной» – но не признать ее одновременно и эффектной, и эффективной не было ни возможности, ни желания! Синусоидально переставляя ноги по давно не циклеванному паркету, ассистент главного дирижера приблизилась на расстояние прямой наводки, медовым голосом поинтересовалась, кому из нас чего, и, медленно покачивая золотым кулоном перед самыми носами, выставила на столик заказанное. Вслед за чем оба соискателя синхронно повернули головы и долго смотрели в точку пространства, где богиня, на протяжении еще раз акцентировано мотнув задом, будто бы растаяла в предвечерней мгле...

Оставалось обсудить лишь кое-какие малосущественные детали. Старина, собрав в кулак всю имевшуюся в нем практичность, сумел склонить Марка к паритетной схеме «нас будет двое, но деньги мы пока внесем за одного... и, если можно – половину суммы». На что Марк великодушно согласился, пообещав выдать нам сразу два значка, а не таскать один по очереди. Поведая заодно, что, несмотря на то, что значок у нас будет самый обычный – но колоссальную разницу с остальными лишенцами мы ощутим сразу. А всё потому, что связали свою дальнейшую судьбу не абы с каким проходимцем и шарлатаном – а именно с ним. И чувство этого он, во время своих еженедельных семинаров, которые мы теперь должны будем посещать, постарается закрепить и, как говорится, углубить...

Мы вышли на воздух. Курбский в состоянии пост-просветления бурлил и пенился как подножье Ниагарского водопада. «Ты же видел!!! Ты же всё видел сам!!! Абсолютно, абсолютно уникальный человек! Потрясающая технология, я же говорил!!!»

– Старина, я полностью согласен, – поддержал я его, – Один только вопрос меня томит. Кто из нас будет в мини-юбке такой ходить? Ну или, во всяком случае – кто ПЕРВЫЙ?

– Да? – мрачно отозвался Старина, с которого столь контрпозитивный настрой немного сбил пелену, – Ну хорошо. Допустим. А что ТЫ предлагаешь?

Снова тяжело навалилось зимнее небо. Опять показалось, что и день, и молодость, и вся жизнь пройдут впустую, как и этот вечер.

Предложить пока действительно было нечего...

## 94—3

Подлинный след спящего одинокрыла можно не заметить – но его нельзя не узнать.

Наиболее адекватным в разрезе единства формы и содержания принято считать земной след одинокрыла – и в то же время он является наименее полезным с повседневной точки зрения. След, оставленный одинокрылом на зыбкой почве никогда не выведет к самому одинокрылу, в какую бы сторону по нему не идти. Таково исконно присущее ему свойство ортогональности в пространстве, и лишь наиболее искусственным охотникам под силу определить требуемые в этом случае углы атаки, тангажа и собственного вращения.

Немногим более практичным может оказаться в ряде случаев водный след одинокрыла. Оставленный на гладкой, покоящейся поверхности жидкости, он сохраняется сравнительно дольше любых других аналогичных отпечатков. Аккуратно зачерпнутый в горсть, след истинно спящего одинокрыла удерживает первоначальную форму на периоде полураспада порядка нескольких секунд и лишь затем, искрясь в лучах далеких и давно погасших звезд, медленно стекает с ладони прочь. Открывающееся зрелище, таким образом, почти полностью компенсирует все трудности своего достижения. Единственная же проблема заключается в том, что в месте водного отпечатка, несмотря на его абсолютную подлинность, одинокрыла никогда не было – и с вероятностью девять в периоде никогда больше не будет. Это свойство его временной ортогональности, и охотник, подавшийся искушению, рискует заблудиться теперь не только в пространстве, но и во времени.

Следовательно, единственную ощутимую пользу может принести воздушный одинокрылий след. Он не является «следом» в полноценном смысле этого слова, он никуда (и ниоткуда) не ведет и никем и никогда не был оставлен, по сути представляя из себя всего лишь статический турбулентный вихрь не ниже третьего порядка. Но если пристально смотреть сквозь него на небо, рано или поздно увидишь едва заметную и почти невесомую тень исполинского крыла...

...Так прошло несколько унылых дней. Одного из героев всё сильнее затягивал разбросанный частым бреднем по учебной неделе бермудский треугольник «война – война – профессор Падингтович-шоу», столь привычный уже по осеннему семестру. Курбский же, по праву рождения являясь суверенным гражданином пусть и дружественного, но все же независимого государства, «войны» не посещал – и теперь, коротая время в ожидании встреч с очередным продвинутым человеком, изыскал где-то готовящуюся вот-вот освободиться вакансию истопника в котельной, сутки через трое. Видимо, посещение выставки «Митьков» все же оставило некий глубинный след в его душе – и теперь Старина с увлечением знакомился с тем, как перевести подпитку котла с регулятора на байпас и прочей полезной и сообразующейся с его грядущим статусом матчастью. Великодушие старика простиралось настолько далеко, что он милостиво разрешил даже изредка подменять его на будущей службе. Короткий анализ, правда, выявил тот горестный факт, что, вопреки всем теориям вероятности, все его возможные дежурства в ближайшие два месяца выпадают аккурат всё на ту же «войну» – и теперь покинутый автор в состоянии глубокой депрессии тупо переключал каналы телевидения.

Между прочим, даже в самом факте ручного переключения сквозила дополнительная порция унижений. Они и понятно: еще свежи были недавние воспоминания о том, как Армеец, интенсивно осваивая льющийся на него денежный поток, приобрел себе новый японский телевизор, да не просто новый, а именно что с «пультом». Это был удар, вынести который не каждому было под силу. Последовал еще один, возможно, уже последний щелчок, и на экране возникла милая дева, которая, не откладывая дел в долгий ящик, сообщила:

«Работа!!! Свободный график!!! Производство в домашних условиях!!! Специальных навыков не требуется!!! Заработок не ограничен!!! Спешите, спешите, спешите – предварительная запись по телефону...»

Призывные тезисы для лучшего запоминания были продублированы криво набранными шрифтами – но, чёрт возьми, для немедленного взлёта с дивана хватило бы и одного из них. Работа! Навыков не требуется! В свободное время! Заработок не ограничен! Под все озвученные краевые и граничные условия мы, отбросив чувство ложной стыдливости, подходили идеально – и автор, дрожа от волнения всеми четырьмя конечностями, кинулся к телефонному аппарату.

Дозвониться удалось раза примерно с пятидесятого. Суровый женский голос на том конце, несколько не вязавшийся со светлым образом экранной фемины, продиктовал адрес, назвав сроком явки через неделю, и сообщил, что номер моего приглашения, которое по прибытии следует непременно назвать – три тысячи двести сорок девять. «Ишь оно, – подумал я, – ПРИГЛАШЕНИЕ... ПРИГЛАШАЮТ... ценят, значит, уже. Ну еще бы!» А вслух спросил, памятуя о бесконечной милости в Курбского в разрезе места истопника:

– А вдвоем можно? Я бы с другом пришел...

– Нет, – строго отрезали на том конце, – ПРИГЛАШЕНИЕ действительно только на одно лицо...

– Девушка! – взмолился я, – Хозяюшка!!! Умоляю – дайте, как говорится, два!!! Нам поврозь с ним никак нельзя, бо пропадем...

– Хорошо, – смягчились ТАМ, – В порядке исключения. Приглашение три тысячи двести пятьдесят. И имейте в виду – опоздавшие в зал не допускаются...

– Спасибо!!! – закричал я коротким гудком и тут же принялся накручивать номер старины Курбского...

Тут внимательный, вдумчивый читатель неминуемо должен воскликнуть – как же так? Страницей выше автор искренне изумляется даже такому простому «девайсу», как всего лишь телевизионный пульт, а стало быть, мобильного телефона герои в те дни не только не имели, а даже, возможно, и видели-то его только в кинематографе. Проживал же адресат звонка, как тоже уже известно, в обычном, пусть и «старших курсов», но всё же общежитии, и, стало быть, никакого телефона и в помине...

И тем не менее, телефон БЫЛ. Местная линия, протянутая в комнату стараниями Митрича в момент бесплодного ожидания им контрольного звонка в голову от директора оздоровительного клуба то ли из Самары, то ли из Волгограда (хвала Митричу сотню тысяч раз, ибо без данного его Поступка вся эта история вряд ли бы случилась). Связь аппарат обеспечивал в основном только «исходящую», так как дозвониться на, я извиняюсь, «ресепшн», где глухая бабка-вахтерша перманентно дула чай или обсуждала с товарками очередные перипетии отношений просто Марии с негодяем Луисом-Альберто – в общем, дозвониться иной раз бывало непросто. Привычно прошамкав «Ась, милай? Шашнадцать тебе?», бабка, хотя и твердо знала, что этажей в общаге ровно пятнадцать, все-таки произвела требуемые манипуляции, и через мгновение я услышал голос своего любезного друга.

– Старина!!! – заорал я в счастливом исступлении, – Пойми – это Шанс!!! Это тебе не какая-то там торговля прессованным воздухом!!! Это конкретная вещь!!! Отечественный производитель, реальный сектор экономики, все дела!!! Едем!..

Эх – и были же счастливые деньки!!! Это сейчас «по умолчанию» считается, что раз есть «реальный» сектор – то, по-видимому, есть и «ирреальные», фантомные сектора, сегменты и даже целые «сферы», и всё такое прочее с упором на колеблющуюся цену барреля, тройской унции, «коротких» денег и долгосрочных государственных обязательств. А тогда? Тогда

жизнь была ослепительно цветной – и черно-белой в то же время: доллар – это ХОРОШО!!! Рубль – это ПЛОХО!!! И единственно значимое число – это КУРС! А почему там этот «баррель», и сколько это в литрах – этого никто не знал, и никому это не было нужно!!! Вся экономика была сугубо реальной, сказочные богатства лежали прямо под ногами, и не было никаких сомнений, что взять их рано или поздно в том или ином объеме – всего лишь вопрос времени и небольшой толики везения.

Старина, как правда выяснилось, не вполне разделял мой щенячий восторг, продолжая под саундтрек «Начальник Камчатки» штудировать популярное пособие «Кочегарка для чайников, или Все секреты котельной за три дня» – но поехать в назначенное время и место, пусть и со скрипом, но всё же в итоге согласился...

Новая дыра в подпространство Процветания и Благоденствия оказалась дырой в самом полном смысле слова, являя из себя затрапезный, классический ДК некоего завода в районе шоссе, носившего подходящее название «Энтузиастов». Этих энтузиастов и будущих ударников капиталистического труда мы заметили еще издали: очередь из них плотно обвивала обшарпанные стены строения и скрывалась где-то в близлежащем дворе. Преобладали среди них дамы того возраста, что нынче элегантно принято именовать «элегантным». В силу этого факта общая атмосфера праздника была релевантна данной демографической выборке: то там, то сям раздавались импровизированные выкрики «Женщина, вас здесь не стояло!!!», «Скажите там впереди, чтоб сзади больше не занимали!» и «Больше двух аккредитаций в руки этой аферистке не отпускайте!!!», переходящие время от времени в попытки оглушить кого-нибудь тяжелой хозяйственной сумкой прямо по голове. Несколько ошалев от такого накала борьбы за место под солнцем, мы со стариком в каких-то полтора часа прошли-таки «аккредитацию», где нас записали в огромную «амбарную» тетрадь – и проследовали в почти уже переполненный зал.

Публика, предчувствуя скорые и неизбежные перемены к лучшему в своей судьбе, изрядно волновалась. Люди стремительно сближались, как в очереди у зубного, и организовывали спонтанные кружки по интересам. Затем, вспоминая, видимо, что они тут не у тётки на блинах, а как-никак будущие возможные конкуренты – тут же равноуделялись, но затем сходились вновь на почве возобладавшего мнения, что, дескать, «работы хватит на всех». Наконец, свет в зале слегка приглушили, и во вспыхнувших огнях рампы легким, пружинящим шагом на сцену взбежал...

Забегая вперед. Примерно в тот же временной отрезок на улицах Москвы материализовалась категория граждан, которую наблюдательный Митрич окрестил как «мальчики с папочкой». Мальчики эти были как на подбор: чистенькие, аккуратно причесанные, в строгих костюмчиках и все, натурально, имели при себе блестящую кожаную папочку. Вид они имели исключительно такой, будто воспользоваться общественным транспортом или пешим ходом их вынудили лишь опутывающие уже столицу своими щупальцами знаменитые московские пробки, и в речи их преобладало словосочетание «делать проект». Какой безумный Пигмалион (или папа Карло?) и под какую копірку настрогал их в таком количестве, и куда они потом все неожиданно исчезли с лица Земли – так и осталось загадкой, но складывалось полное ощущение, что знаменитая овечка Долли была отнюдь не первым на свете клонированным существом.

Нет, вбежавший на сцену явно не тянул уже на «мальчика» – но означенную папочку при себе имел, а заодно и нашего недавнего знакомого Марка напомнил в самом полном объеме. Всё та же бронированная уверенность в собственных словах, сметающий всё на своем пути оптимизм и столь же четкая прорисовка радужных финансовых перспектив сопровождали его взвол-

нованное выступление. «... Через неделю... через месяц... не позже, чем в первый же отчетный квартал...» А еще через полгода, если верить мужчине (а мы ему искренне поверили) финансовое состояние всех без исключения собравшихся неминуемо должно было достичь такой лакомой высоты, как «беззаботная жизнь на проценты». Наконец, когда публика сполна прониклась уже должным настроением, и над головами её сосредоточенно завис немой вопрос «Всё это отлично. Но а делать-то чё???» – мужчина победоносно глянул в зал и выпалил: «А теперь мы переходим непосредственно к производственной части!!!»

Тотчас перед докладчиком материализовался стол, а на столе – какой-то дьявольский агрегат, живо напомнивший нам нечто неприглядное из теории и практики сопромата. Из сопроводительных реплик мы поняли, что с помощью данного устройства можно без особых усилий прямо в домашних условиях выпускать некий уникального сорта кирпич, весьма потребный практически при любых формах строительства. К чести выступающего, он не ограничился одним лишь словесным поносом – а, лихо закатав рукава «двухзарплатного» пиджачка, тут же приступил к делу. Яростно замешал в какой-то ванночке некий порошок, разлил его по формам, запихал формы в аппарат и врубил его в сеть. Адова машина, потребив, очевидно, невиданную мощность киловатт, затряслась и покраснела. Вонючий дым, смешиваясь по пути со взвешенными в воздухе частицами исходного порошка, обильно повалил в зал. К сожалению, отследить производственный цикл в полном объеме нам возможности не представилось, так как, по комментариям хэдлинера, окончательная усушка и утруска конечной продукции занимала около двух суток – но, очевидно, сомневаться в ее высочайшем качестве никаких видимых причин нет.

Я с ужасом представил себе этот миниатюрный свечной заводик в квартире. О том, чтобы вообразить его на двенадцати квадратных метрах общаги на улице Ч-ской речи и вообще не шло – хватило и предположения, что в любом случае щепетильный Митрич такому соседству не обрадуется. Докладчик между тем, закрепляя развитый успех, лихо рубил с плеча направо и налево: «Стоимость данного не имеющего аналогов прессы в нашей компании составляет всего... Уникальный ячеистый цемент, служащий основой, наша фирма, являющаяся его эксклюзивным дистрибьютором на территории, готова поставить вам по специальной цене... Простой расчет легко показывает, что уже через три месяца после начала производственного цикла себестоимость...» Ситуация, в общем, к большому разочарованию, сделалась ясна. Очередной охотник за кровными «ста пятьюдесятью», которых у нас не было, ступил на нашу тропу...

– Но позвольте! – раздался сбоку мрачный голос Старины, общий вид которого все-таки продолжал сохранять некую заинтересованность, – Это всё хорошо, но куда же нам потом сбывать всю эту херню??? Вот Вам, например – можно будет продать ее обратно? И если да, то почём?

Докладчик, нимало не смутясь словом «херня», живо откликнулся на контакт из зала:

– Эксклюзивные качества нашей уникальной продукции позволяют ей не иметь никаких проблем с дальнейшей реализацией! К сожалению, наша фирма сама не занимается работой с конечным потребителем, но, друзья мои – зайдите на любую стройку и спросите там прораба! Уверю Вас – через пять минут вы выйдете оттуда с контрактом на поставку от одного грузовика в месяц, и это только на первоначальном этапе раскрутки...

Я потянул старика за рукав в направлении выхода. Дверь в зал в этот момент распахнулась, и Старина присел на место – очевидно, напоследок он хотел посмотреть еще один образчик «уникальной технологии продаж». Светлым ожиданиям его не суждено было сбыться – вместо мини-юбочной богини в зал стремительно, разбросав финтами двух дюжих охранников, ворвалась еще одна дама элегантных лет. С криком «А я записывалась, записывалась именно на сегодня!!!» она корпусом отгеснила третьего и обратилась к ведущему церемонии: «Молодой человек!!! Я немножко опоздала – можно еще раз повторить с начала?!»

...Всю дорогу до общаги Курбский уничтожающе молчал. Возразить ему тоже было, в общем, нечего. Войдя в комнату, старик, не раздеваясь, уселся на кровать и принялся также молча накручивать телефонный диск. Дозвонившись, он поздоровался, представился... и через несколько секунд понуро повесил трубку.

– Чего там? – с тревогой спросил я.

– Ничего, – мрачно ответил Старина, – Ты представляешь, сколько в Москве, оказывается, квалифицированных, широкопрофильных кочегаров, сутки через трое?..

Вновь потянулся унылый февраль. Короткие вспышки солнца сменялись затяжной облачностью с переходом в мокрый снег и ветер. Горизонт наших светлых денежных перспектив находился в густом тумане и практически не просматривался даже вооруженным глазом. Я навестил профессора Падингтовича и его искрометное шоу – маститый ученый мне искренне обрадовался. А после лекции заговорщицким шепотом сообщил, что по непроверенной информации финансирование Науки вот-вот будет восстановлено в прежнем объеме, и нам, будущим молодым специалистам ЕЁ, следует не впадать в отчаяние, а напротив, еще усерднее изучать свойства многочисленных внутренних волн (должен заметить, к сожалению, что прогноз этот и по сей день так и не оправдался).

Старина Курбский тоже не терял времени даром. Отыграв в своем безостановочном процессе самосовершенствования на одну ступеньку вниз, он вернулся к продвинутым людям исходного, первого рода, и разнообразные гуру, сэнсеи и джедаи вновь замелькали в его дельта-окрестности. Таким образом, процесс скорейшего обогащения со словами «Ладно, дотянем до весны, а там уж сессия, потом на сборы ехать, вот тебе и лето...» был отдан на усмотрение слепой воли Провидения. И, надо признать, указующий перст Судьбы не заставил себя ждать...

Каким ветром в тот день нас, да еще обоих сразу, занесло в родное научно-техническое заведение – теперь уже навсегда останется тайной. Гордый статус студентов аж четвертого курса в принципе позволял нам не делать этого примерно до середины апреля, когда умудренным опытом бойцам наступало время насыщать уже потрепанную ведомость всякими там зачетками да экзаменчиками. То ли в футболчик захотелось погонять с утра на родной коробке, то ли Курбский прельстился каким-то экстравагантным философическим спецкурсом – но, как бы то оно ни было, занесло. Впрочем, пребывание наше там надолго не затянулось, и первым же после «перерыва» электрическим поездом мы отбыли обратно в Столицу.

Народу в вагоне по рабочему времени буднего дня было пустынно. Выбрав лучшие места, мы уселись и, насупившись, стали ждать прихода очередной интеллектуальной «ломки». В привычной обстановке родных пенатов тяжкие мысли о полной нашей неплатежеспособности всегда отступали – но по въезде в город накатывали вновь. И тут в проходе неизвестно откуда материализовался человек по имени Владимир Рожаев...

Владимир Рожаев был когда-то нашим коллегой по факультету, но затем повышенные мыслительные способности сподвигли его на переход на другой, более передний край науки, и на какое-то время мы напрочь потеряли его из виду. Известен Владимир был как человек скользкий, причем как в переносном, так и в практически прямом смысле слова: при взгляде на его длинные, неопрятные волосы всегда складывалось ощущение, что если его за них схватить – он всё равно и непременно выскользнет. В силу этих обстоятельств мы не сильно все эти годы скучали по Владимиру – но и, однако, завидев, гнать его не стали, а даже наоборот, любезно пригласили сесть подле себя.

Произошел обычный разговор людей, которым, по большому счету, нечего сказать друг другу – то да сё, общие знакомые и какие-то занятные случаи из повседневности. Как бы между

делом мы упомянули и про обуревавшие нас финансовые неурядицы – и вдруг Владимир воскликнул:

– Э! Да вы чего молчали-то раньше?! Надо же было меня сразу спросить!

– А что такое? – насторожились мы: в принципе, внешний вид Владимира, а также ряд других косвенных признаков, не давали нам поводов судить о нем, как о деятеле, уже оставившем указанные проблемы в далеком прошлом.

– Да у меня друг, одноклассник в бизнесе крутится, – пояснил Владимир, – В области рекламы. В принципе, ему люди нужны. Там у него в месяц можно двести баксов легко...

– На период раскрутки? – настороженно уточнили мы.

– Ну да, – искренне доложил Владимир, не знакомый, понятное дело, со всеми нашими приключениями в деталях, – там у него свободный график, в принципе. То есть, если больше работаешь, то больше и получишь, видимо...

Вмиг всё внутри нас затрепетало. Двести баксов!!! Двести!!! Баксов!!! ДВЕСТИ!!!

Надо заметить, что в среде наших однокашников в то время бытовало такое странное поверье, будто бы до двухсот долларов девушки любят за деньги, а свыше – уже за просто так. Ну, то есть, не в прямом, конечно, смысле натурального обмена денежных знаков на душевное расположение. А в том, что воздыхатель и претендент (согласно наших дремучих представлений), не имеющий покуда стабильных двухсот «гринА» в месяц, должен был более-менее регулярно приводить какие-то зримые доказательства своей финансовой стабильности и обоснованности претензий, а начиная с двухсот – уже нет. Само наличие этих самых «двухсот» уже служило для кандидата необходимым и достаточным пропуском в Лучший мир. Впрочем, в этой книге не будет ни слова о Любви – разве что о любви к деньгам...

Полученная нами непубличная оферта была наповал по всем направлениям и практически не имела видимых изъянов. Во-первых, двести долларов были суммой и в самом деле личной, и «впрыгаться» за них стоило даже в случае, так сказать, разового ими возобладания. А уж тем более – на регулярной основе! А уж еще тем паче – на «свободном графике»! Да еще, можно сказать – по благу!!! Плюс, само собой – «в области рекламы». Что это за «область», мы могли лишь догадываться, но было ясно, что сквозит за этим нечто ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ. Не исключено, что и КРЕАТИВНОЕ. То есть – практически по нашему профилю. Это вам, понимаешь, не дикарские скачки вокруг кипящего в котле «гермета», низкий класс которого не мог компенсироваться никаким денежным вознаграждением (ну, разве что ОЧЕНЬ большим). В «области»...

На холодную голову, конечно, нам следовало бы, коварно прищурившись, задать Владимиру только один, но самый важный вопрос – «А что же ТЫ сам, Вова? Твой же дружок, да еще одноклассник – что же САМ ты еще не трудоустроился на таких сказочных условиях? Да нам бы парочку таких дружков, да хотя бы одного на всех... да мы бы эх... мы бы ух!.. Мы бы... да двести долларов ЛЕГКО!» Возможно, получив ответ на этот вопрос, мы бы... но двести! Двести! Двести долларов! ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ ЛЕГКО!!!

– Записывайте телефон, – сказал Владимир. – Его зовут Сергей Оборотнян. Скажете, что от меня...

## 94—4

Предположение, что наименьшими хлопотами можно обойтись при охоте на впавшего в послеобеденную дрему одинокрыла – так и остается всего лишь заблуждением из целой вереницы подобных же ничем не обоснованных гипотез. Происходит это от крайне скудных представлений о том, в котором часу одинокрыл обедает, что кушает за этим обедом, да и кушает ли он вообще, ибо в своем привычном ареале истинный одинокрыл практически не имеет естественных врагов и, как следствие, не имеет и друзей. Или наоборот.

Тем не менее, если принимать в рассмотрение чисто временные рамки, то можно с некоторой уверенностью заявить: наиболее подходящим моментом для охоты на спящего одинокрыла являются внутрисезонные погодные и климатические инвертивы. Термин этот, как, впрочем, и всё утверждение в целом, не имеет под собой прочной и внутренне непротиворечивой логической базы – но, во всяком случае, подкрепляется достаточным фактическим материалом.

Когда июнь оборачивается неожиданным утренним заморозком... Или низкое декабрьское небо вдруг прохудится теплым дождем... Когда в августе судорожно ищешь в шкафу шапку, но зато потом лето в октябре всё продолжается и продолжается, и ты каждую секунду боишься, что оно всё-таки кончится, а оно всё-таки не кончается... Когда сухая, простывшая земля ноября ждет снега и не может дожидаться... потому что он вдруг выпадает в апреле, поверх первой, самой нежной листвы – знайте: это где-то неподалеку, ворочаясь с боку на бок и укутываясь в собственные перья, засыпает Единокрыл...

Вбежав домой, один из наших героев стремительно сбросил свое продвинутое пальтишко Lonsdale на рыбьем меху и, так и не стащив ботинки с запутавшимися от волнения шнурками, аки лев кинулся к телефонному аппарату. Дрожащими руками он развернул вынутую откуда-то из сердца заветную бумажку с номером. Номеров, кстати, оказалось сразу четыре: различались они крайней цифрой после запятой, а первые три «станции» указывали на то, что владелец их имеет своей штаб-квартирой помещение в районе среднего Ленинского проспекта. Это был добрый, обнадеживающий знак – по крайней мере, исключались съемные, однооконные «хрущевки» и разово арендованные под процесс вербовки дома культуры на рабочих окраинах столицы. С трудом попадая взмокшими пальцами в отверстия диска, наш герой кое-как осилил семь его оборотов и...

– Зе Москоу Стар ньюспейпер, хэллоу, глэд ту си ю! – раздалось в трубке настолько нежным девичьим голоском, что у героя от немедленного желания стать обладателем двухсот долларов США свело судорогой всё, что только могло ей свести. Одновременно из головы его тут же вылетело то небольшое, что еще оставалось в ней от сданного полгода назад «госэкзамена» по условно разговорному английскому, и, с трудом ворочая вмиг пересохших языком, он прошептал:

– Гуд морнинг... э... гуд дэй. Хеллоу, короче. Лет ми плиз... э... мистер...

– Вы можете говорить по-русски, – сообщил голосок с той переменной настроенности, что невидимая обладательница его всё же при прочих равных предпочла бы носителя «каррент инглиша».

– Мне бы эта... Мистера... Мистера Сергей Зе Оборотнян, короче, – кое-как облек свою мысль герой в логически завершенную форму.

– К сожалению, Сергея на данный момент нет в офисе – он отъехал на переговоры, – сообщил голосок, давая понять, что на данную минуту разговор более исчерпан.

ОООО!!! ОН! Он ЕСТЬ!!! Этот человек существует в природе! Это не выдумка и не чья-то неумная шутка над святым – ОН существует!!! Параллельно воображение тут же услуж-

ливо нарисовало герою картину «переговоров»: большой, красивый зал (не исключено, что и приснопамятный «Георгиевский зал Кремля»), за длинным, покрытым кумачовой скатертью с золотыми кистями столом сидят высокие переговаривающиеся стороны... сидят, переговариваются... ПЕРЕГОВОРЫ.

Забегая вперед. С той поры автор и сам посетил бесчисленное множество переговоров. Если исключить те «переговоры», которые сотрудники нижнего (да и среднего, чего уж там) звена используют как сомнительное оправдание своего отсутствия на рабочем месте... то и остальные мало чем напоминают заинтересованный обмен мнениями. Процент девяносто их и вообще следовало бы назвать «монологорами»!!! В общем, с того славного дня светлый образ «переговоров» несколько поблек в его глазах – но в тот момент... нет, тот момент был решительно прекрасен: ОН, он ЕСТЬ! Да не просто «есть», а на переговорах! Потрясенный сим великим открытием герой даже не сразу сообразил, что уже минут пять стоит с так и пищущей трубкой в руках.

Следующий день не принес никакого продвижения в избранном стратегическом направлении – загадочный Сергей Оборотнян вновь оказался в отъезде. Еще через день натиск был усилен, и в день было совершено целых два звонка, а еще спустя сутки руководство операцией в свои руки принял лично старина Курбский. Это в некотором роде тоже не принесло своих плодов, так как всё, чего добился старик при всём своем бронебойном напоре – это перехода ответов на новый качественный уровень «Только что уехал» и «Буквально пять минут назад пришел и вот уже снова на переговорах». Вызванный же для дачи объяснений Рожаев предположение о дурацком розыгрыше решительно отмел, заодно напомнив нам, что упорство и настойчивость в достижении поставленной цели – качества «в области рекламы» далеко не последние. Последовавшая за этим еще неделя непрерывного «гона» на живца порядком подточила наши физические, а что еще важнее – моральные силы. Запал таял. Англоговорящая фея того конца уже узнавала нас с плохо скрываемым раздражением – и все же, в один прекрасный момент выбросив нам счастливое число, неожиданно сказала «Минуточку!» Минуточка, как водится, показалась вечностью, за которую наши герои как раз успели заново пересмотреть всю свою нелепую жизнь – и вдруг в трубке раздалось некое шевеление, и чей-то негромкий, усталый голос произнес «Алло»...

Первым же делом неуловимый Сергей Оборотнян (а это был, если кто еще не догадался, именно ОН) счел своим долгом известить нас о том, что только-только прибыл с тяжелейших переговоров – и тут же должен выезжать на следующие, не менее напряженные. Наши герои прозрачный намек на жесткую ограниченность маэстро во временных ресурсах поняли верно и, вырывая друг у друга трубку из рук, наперебой затараторили, выкрикивая в основном словословницы как в адрес будущего возможного нанимателя в частности, так и в адрес сферы его профессиональных интересов в целом. К нашему решению попробовать свои скромные силы в упомянутой уже «области рекламы» Сергей отнесся благосклонно – сказавшись, как выяснилось, рекомендация от Владимира Рожаева, который успел в общих чертах обрисовать нас как ребят толковых, исполнительных и непрожорливых (а еще – «порядочных», хотя я до сих пор терзаюсь сомнениями относительно того, какой именно смысл вкладывали в данное слово промеж собою эти два лирических персонажа).

– Надо будет уже лично встретиться и всё детально обговорить, – произнес ОН утомленным и, как нам показалось, слегка опечалившимся вдруг голосом, и где-то на коленке зашуршали перебираемые листы записной книжки, – Среда мимо... Четверг занят... Во вторник шесть переговоров и встреча... Ладно, давайте как раз через недельку, в субботу, в одиннадцать. В баре, который на втором этаже, в гостинице «Патиссон-Европейская»...

– Где-где??? – обескуражено переспросили мы, синхронно выпуская трубку из рук. Проще было сразу назначить встречу на, скажем, Луне – по крайней мере, было бы ясно, что

нам вежливо, но твердо отказывают. И такими милыми и родными сделались нам сразу малогабаритные квартирki Проспекта Мира и задрипанные ДК шоссе Энтузиастов...

– Да не ссыте вы, – неожиданно отошел от деловой лексики Сергей Оборотнян. – Там свободный вход, оденьтесь поприличней, да и всё. Мне там близко просто, да меня там и знают все хорошо... (Еще одна загадка природы: Сергея Оборотняна, как скоро выяснится, неважно знали даже в многочисленных рекламных отделах фирм, которые он якобы (ну или не якобы) возглавлял... что уж говорить о рядовых привратных служащих... хотя ладно – прим. авт.). Ну всё, пока. Жду.

– Про «поприличней» мог бы и не говорить, – возмущенно заметил Старина, но только убедившись, что трубка твердо и безоговорочно прижата к рычагу. Хотя именно к нему, как исконному приверженцу стиля «кэжуал», этот совет относился, пожалуй, в более степени, нежели к кому-то еще... впрочем, все эти мелочи никак не могли затмить Главного: всемерного ликования, воцарившегося в наших сердцах! Дело, считай, в шляпе – осталось пережить какую-то недельку с небольшим. Всего каких-то восемь таких коротких, и таких длинных дней и ночей – и хрустящий денежный поток теперь уже неизбежно, неотвратимо просыплется на наши очумевшие от счастья головы!!!

Но еще стремительнее обрушилась Слава... В какие-то часы слухи о грядущем финансовом Процветании наших героев разлетелись по всем пятнадцати этажам общежития на Чской улице. К вечеру того же числа значительная часть его обитателей от пассивного распространения информации перешли к активным действиям. Один из героев, активировав в себе весь имеющийся боезапас здорового эгоизма и разумной жадности, стоически отражал попытки коллег и друзей пристроиться к его грядущему успеху. Старина Курбский же напротив, видимо, на память об уходящих нестяжательных временах – неожиданно возжаждал напоследок осчастливить как можно большее число сокурсников, со-поточников, со-этажников и так далее. В результате этих безответственных действий в течение каких-то суток даже по скромным прикидкам на обещающую стать исторической встречу в баре «Патиссон-Европейской» собралось никак не менее семи человек, а еще примерно столько же расценивало свои шансы как весьма вероятные (не было среди них, по-прежнему, лишь Владимира Рожая). Более того, некоторые горячие головы даже подвергли сомнению преимущественное право первых Соискателей и потребовали организовать для себя дополнительную историческую встречу, раньше первой! Это уже не лезло ни в какие рамки, Курбскому предельно вежливо, но столь же предельно строго было указано, и горячие головы несколько поумерили свой пыл.

Справедливости ради заметим, что в итоге к «Патиссону» выдвинулась делегация в составе всего четырех человек, включая обоих отцов-основателей, конечно. Отчасти удивительно, но двоими примкнувшими оказались как раз наш старый знакомый Корефаныч с одним из присных. Вероятно, к четвертому курсу они всё же несколько притомились однообразием репертуара самого Большого Театра страны, да и живых денег, как уже было положено, экстаичное битье в ладоши не приносило. Характерно, но работа в «области рекламы» казалась им в чем-то созвучной их прежней специальности. Забегая вперед и проведя в данной области как минимум следующие пятнадцать лет скажу лишь одно: возможно, в чем-то они были и правы (и судьба их в дальнейшем также сложилась достаточно счастливо).

А между тем... а между тем – пришла Весна! Скоропостижно испустил свой простывший дух февраль, и снег теперь можно было наблюдать лишь во время заключительных трансляций Олимпийских игр в Лилиехаммере. Забило изо всех щелей солнце, зазвенела капель, зачирикали весело перелетные птицы и вновь зашуршала по асфальту летняя резина, сменив на этом важном посту заскорузлое цоканье «шипованной». Стоит ли и говорить, насколько эти пере-

мены к лучшему коррелировали с текущим настроением участников?! Разве что, в отличие от настроения, такая Весна по всем приметам должна была теперь продолжаться вечно...

В назначенные день и час четверо неловко топтались у стеклянных дверей отеля «Патиссон-Европейский». Наши герои, несмотря на полноценно прожитые к тому моменту двадцать один годок, в столь роскошное, можно даже сказать «буржуазное», место попали почти впервые. Ранее время свое они привыкли делить между своим не самым близким к центру научно-техническим заведением и многочисленными футбольными площадками – а потому, помимо легко объяснимого предстартового волнения, испытывали еще и немалую долю стеснения. Более того, один из героев ощущал еще и нечто вроде предательства, предательства прежнего самого себя. «Что ж: но такова суровая цена, которую мы должны заплатить за будущее благополучие себя, детей, родителей, внуков, а может, и далее...» – утешал он сам себя, но ощущение не проходило. Прочие участники внешне вели себя спокойно и где-то даже безразлично. Наверное, им удавалось что-то тщательно скрывать. Наконец, кое-как осмыслив принцип работы автоматической двери на фотоэлементах и пугливо озираясь на одетого в разляпистую ливрею швейцара, четверо решились таки переступить порог новой жизни.

Ровно в 11.23 стремительной – не иначе, как прямо и только что с «переговоров» – походкой раздвижные двери форсировал Он. О, не узнать Его было решительно невозможно! Аккуратная прическа «шапочкой» выдавала в нем бывшего маменькиного сынка, дорвавшегося наконец до многочисленных радостей земного бытия. Выражение глубокой озабоченности судьбой рекламы в одной отдельно взятой вселенной искажало прекрасные черты его лица... «Здравствуйте, РЕБЯТА, – обратился Он, признав в нас свою будущую паству – проходим в зал». Нам, само собой, и до, и после доводилось слышать массу самых разных ласковых к себе обращений, но такого... Подонок, ведь Рожаев рекомендовал его как собственного одноклассника, а стало быть – безусловно, равного нам по годам! Сглотнув, «ребята» со всей почтительностью поприветствовали грядущего благодетеля. По дороге (вернее, ковровой дорожке) наверх нам было предложено взять по газете, лежавшей на специальном лотке. Газета была почему-то на английском, забавно пахла свежей краской и в целом на ощупь производила довольно благоприятное впечатление. Поэтому недостаточное внимание к ней со стороны праздношатающейся вокруг публики я объяснил ранним часом и недостаточностью языковой подготовки аудитории. Возможно, так оно и было. Называлась газета «The Moscow Star», и это словосочетание отчего-то показалось нам смутно знакомым.

Делегация поднялась на второй этаж, в большое и достаточно гламурно организованное пространство (видимо, зал «переговоров»), на отшибе которого, за колонной, словно замаскировался маленький искомый бар. Буфетчица – правильное будет назвать ее именно так – с ленивым сожалением взглянула на утренних гостей. Делегаты плюхнулись на диван перед низким журнальным столиком, причем диван оказался настолько мягким, что итоговый ракурс делегатов чем-то напомнил небезызвестного «орла». Сам же отец родной на чем-то типа фасонной табуретки примостился с торца, тем самым жестко обозначив классическую рассадку «начальство и планктон». Планктон, с целью несколько разрядить обстановку, дружно затянулся. Затянулся, прошу заметить, не абы чем, а специально купленными «импортными» именно что «на выход», и даже Курбский по торжественности момента отказался от милых его легким самокруток. Тем не менее, Сергей Оборотнян поморщился. Стало ясно, что он ощущает громадную ответственность за свою роль как в области рекламы в частности, так и в подлунном мире вообще, а потому забота о собственном здоровье является частью его профессионального навыка. Поморщилась и буфетчица вдали, несколько поведив своим длинным носом. Курбский собрался с духом и последними средствами и заказал у нее кофе, в количестве примерно исходя из числа участников мероприятия. Тетя сменила настороженное выражение лица на милостивое и даже спустя пятнадцать минут поменяла нам пепельницу, вызвав тем самым

первый, но отнюдь не последний, культурологический шок. Пора было переходить непосредственно к делу.

К нему и перешли. Наполовину засунув руку в делового вида сумку и будто бы задумавшись, стоит ли покуда знакомить кандидатов с её содержимым, Сергей Оборотнян разлился знаменитым курским соловьем. С жаром, которому могли бы позавидовать наши друзья Марк и Кирпичный Человек, слитые воедино. Из его короткой, но насыщенной речи явственно следовало, что на рынке московской прессы нет и не предвидится издания более популярного, нежели подведомственная ему «The Moscow Star». Соискатели несколько недоуменно переглянулись. В принципе, насколько хватало их наблюдательности за нашей самой читающей в мире публикой, на «топе» в столице находились несколько иная периодическая продукция и в первую очередь, само собой, использующая в качестве базового все-таки русский язык. Во всяком случае, до сего дня лицезреть кого-либо, сосредоточенно изучающего именно «The Moscow Star», как-то не доводилось. О чем, преодолевая поистине животный страх, один из героев и поведал Сергею Оборотняну.

Тот посмотрел на него с ласковой улыбкой санитаря психбольницы и, подключив к речи такие художественные обороты как «целевая аудитория», «социально-демографический портрет» и «имущественный срез», в два счета развеял все наши сомнения. По всему выходило, что «The Moscow Star» является, очевидно, лакомым кусочком для любого мало-мальски разумного рекламодателя. Да, тираж ее, конечно, невелик, ее не встретишь на развале у метро, и язык ее, конечно, английский – но зато читают ее сплошь деловые люди, бизнесмены, включая, само собой, зарубежных, и вообще – сплошная элита и сливки самого высшего общества! Эксклюзивность, престижность, продвинутость – вот три основных составляющих ее имиджа! В конце концов, мудро заметил Сергей, вы никогда не увидите, чтобы кто-то завернул курицу в нашу газету! (этот светлый образ будет еще неоднократно навещать нас и в дальнейшем).

Доверие публики было восстановлено – настал момент «подсекать». Из сумки наконец-то была извлечена бумажка, снабженная красочной эмблемой газеты «The Moscow Star» и откликаясь на диковинное заграничное имя «прайс-лист». Слева на ней, насколько хватало нашего почти уже законченного научно-технического образования, располагался ряд «степеней двойки», а справа... а от цифр справа просто вдохновенно зарябило в глазах!!! Сто долларов! Двести долларов! Четыреста! Семьсот пятьдесят! Тысяча двести! И наконец – две тысячи долларов с таким хвостом, что страшно было произнести даже внутри себя!!! О, неужели, неужели – неужели это график возрастания нашей зарплаты, о которой так щедро сулилса Рожаев, а мы, ослы, еще имели наглость не верить ему??? ОООО!!!!...

Для читателей, справедливо полагающих, что реклама – это то, что мешает смотреть любимые телепередачи, я поясню. Газеты по своему размеру (ну или типа графски выражаясь – «формату») можно условно разделить на две группы. «Большие» (навроде «Правды» или «Известий») – это «формат А2». А если сложить его пополам – то это «формат А3», и эксклюзивно-продвинутое издание «The Moscow Star» принадлежало как раз к последнему подвиду. Реклама в газете продается долями полосы: целая полоса – 1/1, далее «полполосы» 1/2, потом «четверть», и так далее, до 1/32, размером аккурат со спичечный коробок. Но даже этот коробок тянул, если верить «прайс-листу», на полновесную сотку баксов – а что уж было говорить про остальные!!! Поразительно, кстати, устроен русский язык. Сто долларов (во всяком случае, в кругах нашего вращения) – это была «сотка», а сто рублей – «стольник», и никогда наоборот. Иван Сергеевич Тургенев, узнай он о таком занятном факте, наверняка многое бы тягостно переосмыслил и перераздумал. В каком-то смысле даже хорошо, что он не дожил до этих прекрасных времен... Хотя ладно. Вернемся к главному.

Закадычный же школьный друган Рожаева, нимало не смущаясь, кооптировал нас на службу в качестве рекламных агентов – то есть людей, которые будут день и ночь, высунув язык, бегать по городу, агитируя православный народ расстаться со своей кровной денеж-

кой, дабы каждый вложенный в рекламу рубль обернулся затем плотным потоком благодарных покупателей и клиентов. В принципе, это грамотный, хотя и вполне циничный подход: средств на содержание агента не требуется никаких, он не занимает дорогостоящего офисного пространства, не пользуется казенными телефонной и факсовой линиями, нуждаясь лишь в регулярном эмоциональном взбадривании – но зато в случае успеха его «старшОй» может ухватить вполне жирный куш. По идее, набрать их можно хоть сто, хоть тыщу – нашлись бы такие старательные и ответственные дураки (а они нашлись, но в полном объеме этой информацией еще, конечно, не овладели). А что касается размеров оплаты труда, то...

– ...а что касается оплаты, то скажу сразу: семь целых двадцать пять сотых с каждого заказа – ВАШИ. Сразу и без вопросов, как только приходят деньги...

О! – в этой цифре, данной с точностью аж до второго знака после запятой (заметьте – 7,25%!!!), чувствовался строгий, научный подход. До той поры все потенциальные работодатели комментировали наши будущие гонорары несколько туманно: «сперва раскрутитесь», потом «закроете первоначальный взнос», «в принципе, уже на второй месяц бесперебойных поставок возможен выход на маленький плюс», и так далее. С другой стороны, отсутствие гарантированного прожиточного минимума не могло не настораживать, поскольку постольку...

Всё дело, как всегда, испортил Курбский. Мгновенно выхватив откуда-то из-под полы калькулятор, он тут же произвел некое вычисление и торжествуяще выпалил:

– То есть, если я продам целую полосу – то как раз выйдет двести гриня?!!!

От произнесения вслух магической цифры вновь потемнело в глазах, и вопросы отступили.

– Я не думаю, что ты так сразу уж продашь целую полосу, – мягко заметил Оборотнян, снова надев на себя доброжелательное лицо работника оздоровительного учреждения. Но тут он, как говорится, не на тех напал: недаром, по общему мнению, наше заведение дает своим питомцам одно из лучших технических образований в стране. Курбский тут же произвел новую серию расчетов и вновь захватил стратегическую инициативу в свои руки:

– Так, ладно. Если я продам не полосу, а восемь раз по одной восьмой... О, так даже больше выходит!!! (это эффект так называемого «непрямого деления» полосы: 8 по 1/8 всегда выйдут дороже одной по 1/1 – прим. ред.)

– Ну, в принципе, верно, – согласился Оборотнян, вовремя смекнув, что трудовой энтузиазм будущего сотрудника будет прямо пропорционален цифре, которую он сейчас увидит на экране прибора, благо она сама по себе обходится бесплатно.

– Ну а где их брать, этих самых рекламодателей? – подал с дальнего конца стола реплику присный Корефаныча.

– Везде! – веско провозгласил Сергей Оборотнян, – Практически везде! Оглянитесь вокруг себя: зайдите в любой бизнес-центр, откройте другие газеты и журналы, посмотрите телевизор! Хотя с телевидением, конечно, вам работать еще рановато... но будущий рекламодатель может ждать вас буквально за любой дверью!!!

Мы оглянулись: кроме буфетчицы, с любопытством следившей за процессом вербовки, вокруг по-прежнему никого не было, а сама она на «рекламодателя» как-то не тянула. Зато услышав слово «дверь», оживился один из героев, в голове которого тут же ожил ассоциативный ряд.

– За дверью... дверь... – задумчиво молвил он, – В принципе, это дело очень похоже на укрепление дверных коробок!

Оборотнян озадаченно поднял бровь – очевидно, до того момента ему не приходилось подвергать свое жилище этой необходимой процедуре. Это было явно наше упущение, и мы с Курбским в двух словах обрисовали ему суть мероприятия.

Оборотнян вторично поморщился: видимо, наше сравнение хромало, и метафора показала ему достаточно «нисходящей» – но, дабы не угасить порыва, он задумчиво выронил:

– Ну да... да. В чем-то, в принципе, да.

Мы с Курбским возликовали – еще бы, да мы же практически уже профессионально подготовлены! Можно было переходить к производственным нюансам.

Вслед за «прайс-листом» из волшебной сумки появилась бумажка с еще более ласкающим слух именем – «Контракт»... «Так вот ты какой...» – подумали Соискатели, уставившись на сероватый листок, снабженный снизу печатью, выполненной в лучших традициях минимализма: окружность, четко и незатейливо название в середине и пара черточек для разнообразия в случайных местах. Таковую печать дети, играя в больницу, изображают на своих рецептах...

– Правила заполнения контрактов знаете? – спросил Оборотнян. Тут автор вздрогнул: до того момента Контракт ему случалось заполнять лишь один, а именно – контракт на прохождение обучения на военной кафедре. С того момента «расторгнутым контрактом» бравые полковники регулярно пугали нерадивых будущих офицеров запаса. Особенно тех, кто в тот самый момент, когда все прилежно готовятся к будущей схватке с вероятным противником – вместо этого сидит в баре «Патиссон-Европейской» и, сладостно вздыхая, мечтает о резервной валюте, этим самым противников эмитируемой...

– ...слева – кого и что ставим, справа – сколько. Это несложно...

...Несмотря на все последующие события, я очень благодарен Оборотняну за приобретенные под его руководством жизненные навыки – и дарованная нам схема была первым таким примером. «Слева – кому (или что), справа – куда (или сколько)». Это, друзья, поистине та самая гениальность в простоте, и этим принципом я затем пользовался бесчисленное число раз, и в самых разных областях. Например, если пишется пьеса – пожалуйста! Слева – кто говорит, справа – что. И так далее. Еще светлой памяти мастер Каравайцев говорил мне примерно то же самое: «Неважно, что ты всего лишь грузчик. Главное – это ЧТО ты грузишь. А еще важнее – КУДА...» (но это лирика).

Критично оценив число Соискателей и немного пожавшись, наниматель вынул из сумки еще четыре бумажки. Это оказались «Копии Контракта», поэтому печать на них смотрелась чуть менее комично, сливаясь серым цветом с прочими линиями.

– Это чтоб не бегать каждый раз ксерить, – пояснил Оборотнян, – с нашей печатью им, с их печатью нам (о, вот снова: с их – нам, с нашей – им! – прим. авт). Потом раздал Копии с выражением лица Чапая, отрывающего от сердца именной маузер в пользу показавшего героизм бойца.

– В принципе, ситуация нам ясна, – вновь обрел присущую ему уверенную манеру Курбский, – Прекрасная газета, но в силу ряда причин еще недостаточно раскрученная, нуждается в рекламодателях. Мы же нуждаемся в деньгах – так что, думаю, мы нашли друг друга. Рекламодатель, по сути есть везде, надо лишь отыскать его и склонить к рекламе посредством переговоров. Кстати, Сергей, я хотел уточнить – а где лучше всего эти переговоры проводить?

– Да прямо здесь и можете проводить, – благородно разрешил Оборотнян, усекая, что дело сделано. Курбский, правда, непроизвольно вздрогнул, вспомнив, во что влетели ему четыре наперстка кофе, но Оборотнян, используя прием «отрицания отрицания», вернул его к жизни:

– Можно в «Дульмане» еще. В «Афанасии Никитине» еще неплохо кормят...

О, еще и кормить! Реклама «Дульмана» и «Никитина» аппетитно светилась на последней странице «The Moscow Star», и, исходя из «прайс-листа» можно было лишь догадываться, во что встанет там бедному студенту рядовая трапеза! Хотя... Надо будет тактично уточнить у Рожаяева, где всё это хоть находится...

– Ну, всё, – завершил Оборотнян свой мастер-класс, – мне пора. Спешу на переговоры. И, обернувшись уже в дверях, загадочно добавил: «По номерам 939 – не звоните. Там – МАФИЯ». И исчез. И в чем-то он, фигурально выражаясь, был безусловно прав.

Потрясенные, герои вышли на свежий предвосьмимартовский воздух.. Двое приبلудных, откланявшись и пояснив необходимость вечернего клакирования Зураба Соткилавы, скрылись по направлению к Большому Театру, а заодно и с горизонта Большой Рекламы. Как и при зачатии Процесса, Отцы-основатели остались вдвоем. Неспешно, словно под тяжестью свалившихся на них необъятных перспектив, прошлепали они до Нового Арбата. «С нашей печатью – им, с их печатью – нам» – повторял про себя автор поведенное ему заклинание успеха. Теперь мы не просто шли по улице – внимание было приковано к оказавшемуся неожиданно большим числу рекламных щитов вокруг, над и под. Телефоны с пары из них один из героев тщательно переписал в заранее припасенный блокнотик – представленные на них фирмы могли бы, по его мнению, украсить собою и страницы ЕГО газеты... Курбский, отчаянно жалевший об отсутствии собственного блокнотика и клявший такую непредусмотрительность, советовал записать телефонов побольше. Но автор, будучи человеком в душе не жадным, быстро прикинул, что на первый месяц заработка с двух телефонов будет вполне достаточно. Впрочем, еще три штуки, качеством похуже, он все-таки записал на счет Курбского.

Так, незаметно, в светлых мечтах, Соискатели добрались до Дома Книги, где, возбужденные, методом, чуть позже названным «методом прямого напористого контакта», уже хотели было сходу «взять» неосмотрительно распахнувший свои двери компьютерный салон – но передумали. Справедливо решили не портить людям выходной, отложив Большую Охоту до девятого марта. Жить светлой мечте, таким образом, оставалось ровно два с половиной дня...

А потом был праздник, праздник вступления и инициации в новую, безбедную жизнь, заодно совмещенный с праздником женской солидарности, тем более, что женщин в комнате 1505 в тот день не присутствовало по принципиальным соображениям. Зато присутствовала упомянутая курица, которую Курбский виртуозно пожарил практически целиком на крошечной «дачной» сковородке. И вновь возник пресловутый спор о целесообразности использования столовых инструментов, особенно в данном случае, когда мы практически одни... Секундное замешательство разрешил сам автор чудесного кушанья. «У БОГАТЫХ свои причуды» – заметил он и решительно взялся рукой за истекающее жиром крыло...

## 94—5

Главным же парадоксом охоты на спящего одинокрыла следует признать фактическую невозможность хотя бы в первом приближении установить сам факт свершившейся охоты. И, как следствие, определить её итоговый результат. Некоторая временная расплывчатость, свойственная крайним точкам начала и конца мероприятия, приводит к тому, что в целом продолжительность охоты легко может колебаться от мгновенной и до практически бесконечной.

На практике это зачастую приводит к тому, что часть охотников (особенно это касается молодых, необстрелянных бойцов) в счастливом возбуждении возвращается в исходное положение – и лишь затем, к полному собственному изумлению, обнаруживает, что настоящая охота для них, по сути, еще и не начиналась. И наоборот, когда матёрые ветераны, будто бы не чувствуя уже свалившейся на них тяжести добычи, упорно продолжают пробираться сквозь чащу к неведомой цели, пока в один прекрасный миг не осознают того, что всё уже давно позади, и от сжатого в руке последнего одинокрыльего пера прямо на глазах не остается ровным счетом ничего.

Но в любом случае подлинная суть охоты на спящего одинокрыла если и открывается, то много или хотя бы несколько времени спустя самой охоты.

Утро 9 марта 1994 года выдалось погруженным в сладостные мечтания. Женщины вокруг, несмотря на отшумевший уже одноименный праздник, были по-прежнему прекрасны, но не они занимали в голове одного из героев первое место, и даже не второе. Россыпи драгоценностей, золотые слитки и туго перетянутые пачки различных национальных валют мерещились ему в таком изобилии, будто бы в мозгу его, в дополнение к работающим, разом проснулась еще как минимум половина доселе (если верить биологии) «спящих» нейронов, и чей-то мультипликационный голос с периодичностью раз в тридцать секунд истерично выкрикивал «Пиастры! Пиастр-р-ры!!!» Сквозь этот информационный шум едва-едва прорывался голос профессора Падингтовича, который, надо отдать должное опытному педагогу, словно почувствовал происходящее в одном из слушателей НЕЧТО и старался говорить потише, а в итоге и вовсе распустил собравшихся по домам раньше положенного.

В тот же день в далеком Лос-Анджелесе скончался знаменитый американский писатель Чарльз Буковски. Сей автор, как известно, в своем творчестве неустанно воспевал безусловный примат общеполитических и семейных ценностей над сознательным «дауншифтингом», половой распущенностью и препаратами, расширяющими сознание... вернее, как раз как бы наоборот воспевал – и в чем-то это выглядело символичным. Завершение земного пути известного алкоголика и дебоши.. (зачеркнуто) прославленного поэта и прозаика будто бы ставило некую умозрительную точку: так и нам отныне предстояло из прежних бедных, но свободных дней воспарить в светлый мир душевного равновесия и финансового благополучия. Да, отчасти расставание это выглядело чуточку грустным, но... «Но такова цена, которую мы должны за будущее процветание нас, наших близких, наших будущих детей и...» – вновь нравоучительно напомнил себе автор и, будто бы и не весомый «преддипломник», а едва-едва сдавший свой самый первый зачет первокурсник, весело, можно даже сказать «вприпрыжку», поскакал к общежитию на Ч-ской улице. Впереди его ждал несомненный Успех, а, стало быть, рядом неизбежно сопутствующих ему негативных факторов можно было с чистой совестью пренебречь

Конечно, несмотря на то, что в рекламе к тому моменту мы были уже три с лишним дня, некоторые секреты этого ремесла были для нас все еще временно недоступны. В частности, не совсем четко выглядели детали того, как Рекламодатель с экранов телевизоров, рекламных щитов, листовок, а также со страниц других газет – никчемных и неэффективных

ных в плане рекламы, конечно! – плавно перемещается на голубоватые полосы Нашей газеты (а за истекший срок мы уже привыкли считать это прогрессивное издание по-настоящему Своим), перейдя попутно на малодоступный населению, за исключением слов fuck и shit, английский. Подтянуть уровень образованности сограждан до привычки начинать день с душистого порриджа и свежей «The Moscow Star» смотрелось, очевидно, оптимальным маркетинговым ходом, но на данном временном отрезке такая задача представлялась нам все-таки в элементарных функциях неразрешимой. То есть, где-то на интуитивном уровне было ясно, что Клиент склоняется к Публикации именно в процессе «переговоров», но тогда во весь рост вставала проблема организации самих «переговоров»... Маэстро же Оборотнян, как уже отмечалось, этот момент в своем программном выступлении как-то упустил, полагая, видимо, само собой разумеющимся, а может, желая подстегнуть и поощрить здоровую самостоятельность своих новых сотрудников и, не побоюсь этого слова, коллег по цеху.

Впрочем, не стоило забывать об уже записанных в волшебную книжечку двух телефонах. Вдобавок к этому, на праздниках автор, оторвавшись на мгновение от сладких грез, позвонил папе одного своего одноклассника (не один же Рожаев, надо понимать, навещал в этой жизни начальную школу), каковой папа, по слухам, в свое время трудился в некоем секретном НИИ аж с самим Борисом Березовским и даже как-то однажды якобы ссудил будущему серому кардиналу российской политики трояк до получки. Будущий серый кардинал, надо отдать ему должное, этой крупицы доброты не забыл и спустя некий срок взял папу в свою могущественную империю на какую-никакую, а все-таки должность. Все эти разрозненные факты папа в телефонном разговоре подтвердил, на правах старого приятеля немного покритиковал политическую платформу своего бывшего должника, а в завершение беседы продиктовал номер некоего деятеля, который в могущественной империи будущего гражданина Еленина будто бы «сидел на всей рекламе». В общем, автор справедливо рассудил, что к своему первому рабочему дню он подошел, как ни крути, в полном всеоружии, с каковой уверенностью он и постучал в милую его сердцу дверь комнаты 1505...

Первое впечатление, как водится, оказалось и самым верным. А было это впечатление таким, что Курбский тоже времени даром не терял, набрав, выражаясь спортивным языком, отличную форму. В присущем ему состоянии крайне лихорадочного возбуждения, Старина сидел на полу перед телефоном, а повсюду вокруг него в беспорядке валялись искромсанные и изорванные газеты. В руках его была тонкая школьная тетрадка за некогда три копейки, в которой Сергей прямо на весу торопливо делал какие-то пометки.

– Ну что! – довольным голосом известил он новоприбывшему автору, – Дело пошло! Многие УЖЕ соглашаются!!!

Не буду скрывать: только что распутившийся цветок в душе второго героя мгновенно закрылся и даже ошетинился острыми, желтыми колючками (Забегая вперед: это волшебное ощущение в ближайшие три месяца герою предстоит пережить еще не менее двух сотен раз). Его бросили... Ведь Курбский, очевидно, ушел уже бесконечно далеко вперед... И вряд ли теперь протянет оттуда, из прекрасного далека, свою руку, дабы подтянуть безнадежно отставшего... Ведь у БОГАТЫХ свои причуды... «Многие СОГЛАШАЮТСЯ!» – повторил Курбский, довольно потирая руки. И, чуть погодя, вернул цветок в исходное положение: «Давай, теперь ты. Твоя очередь. Я пока переведу дух, – и практически насильно воткнул в руки автора телефонный аппарат, – Давай. Это несложно».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.